

Матъяна Абалова

Ключи
от моего сердца

16+

Татьяна Абалова

Ключи от моего сердца

«Автор»

2021

Абалова Т.

Ключи от моего сердца / Т. Абалова — «Автор», 2021

Алисия Виру живет в замке, от прежнего величия которого остались лишь воспоминания. Но мечтой ее братьев является превзойти былую роскошь, а для этого нужны деньги, и самый короткий путь – выдать сестру замуж за старика Хранителя, столь богатого, что представить размер его сокровищ невозможно. Лишь оказавшись во власти жениха, Алисия понимает, что их двоих связывает древняя тайна.

© Абалова Т., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. О тесном Лискином платье и мечте ее братьев	6
Глава 2. Заветы братьев	10
Глава 3. Сомнения, сомнения, сомнения	14
Глава 4. Деятельная леди Эдита и ее команда	19
Глава 5. Кого ценит Хранитель	23
Глава 6. Перед зимним балом	27
Глава 7. Таинственный незнакомец	30
Глава 8. Письма	34
Глава 9. Принц и роза	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Абалова

Ключи от моего сердца

Пролог

«Стон? Это мой стон или Хранителя?»

Стыдно было признаться, но желание любви Лису не отпустило. Она даже сжала ноги, настолько остро ее тело отвечало на ласки, что дарились не его хозяйке, а...

«А кому? – этот вопрос отрезвил, заставил успокоить дыхание. – Кто, если не я, целует Хранителя? Кто вошел в его комнату?»

Из-за незакрытой двери вскоре послышались треск рвущейся ткани и громкие звуки поцелуев.

– Боже! Так что же это получается? – ужаснулась Алисия, вспомнив слова дяди, который поклялся, что Хранитель не тронет невесту, пока та не захочет. – Я сама вышла к Хранителю и сама же потянула его в постель? Так вот как он добивается своего? Магией?

– Жди, – донеслось из-за спины, и будто в ответ послышалась громкая ругань, а потом из комнаты спиной вперед вылетел черноокий и, ударившись о противоположную дверь, которая наверняка треснула от приложенной силы, мешком соскользнул на пол.

– Ну-ка, ребятки, тащите его к себе, – скомандовал появившийся в женской ночной рубашке, что лоскутами свисала с его мощных плеч, лорд Фрост. Вытерев ладонью губы, он зло сплюнул на пол. Тело Хранителя втянули в ту же дверь, которую он едва не выломал.

– Я ничего не понимаю, – желание резко отпустило, и Лиса вдруг вспомнила, что находится в чужих руках. – Лорд Винд, это вы?

– Нет, я не лорд Винд, – донеслось сзади. Алисия резко крутанулась, чтобы высвободиться, но попала в еще больший захват. Открыла рот, чтобы завизжать, но не смогла – ее губы оказались в плену. Ноги подкосились, голова пошла кругом, а сворованный поцелуй лишил последних сил.

Он был в ее жизни первым, но Лиса готова была поклясться, что уже знает эти губы... и этот запах разгоряченного тела, и...

Глава 1. О тесном Лискином платье и мечте ее братьев

Алисия Виру смело могла бы называться леди, поскольку была благородного происхождения, но сейчас, когда она с наслаждением вгрызалась в сташенное на кухне яблоко и брызгала соком на страницы «Закряжских сказаний», ни один человек не заподозрил бы в ней деву голубых кровей.

Холодный ветер шнырял по углам полуразрушенной башни, которая так же, как и предки прячущейся в ней девушки, могла бы похвастаться славным прошлым, где в перечне значились и с честью пережитая осада, и переход крепости под мятежные знамена, сделавшие хозяина, пусть и ненадолго, но королем, и пожар, уничтоживший сестру-колокольню, чей остов до сих пор опаленными камнями ковыряет небо.

Были они – и Алисия, и башня, в чем-то схожи, хотя одной минуло тысячу лет, а другой лишь четырнадцать. Обе, несмотря на плачевный вид, надеялись, что когда-нибудь все наладится, и жизнь повернется к ним хорошей стороной. А пока одна искала одиночества, вторая с радостью подставляла истертые ступени и открывала укромные уголки, где ветер-злодей не будет ворошить страницы книги.

– Каг-г-г-г! – черный ворон, нацелившийся на огрызок, топтался в проеме бойницы и сверлил бусинами глаз увлекшуюся чтением Алисию.

«И было в том дворце множество комнат, куда ходить никому, кроме Хранителя, не позволялось. И каждая из комнат несла на себе следы пребывания женщины: гребень с застрявшим в его зубьях волоском, серьги, будто только что снятые и забытые у зеркала, брошенные у кровати парчовые туфельки. Хранитель ревниво берег каждую вещь и не позволял не то что передвинуть – тронуть. А чтобы любопытные не совали в те комнаты носы, закрывались они на ключи, коих скопилось такое количество, что даже захоти кто подобрать их к замкам и за год не управился бы».

– Если у него столько ключей, то сколько же в доме Хранителя комнат?

– Каг-г-г! – напомнил о себе ворон.

Алисия Виру с сожалением посмотрела на огрызок, где сочной мякоти осталось на два укуса, и ловко швырнула под лапы ворону. Тот от неожиданности расправил крылья и отскочил, но, поняв, какое привалило счастье, хватанул добычу и сиганул с башни вниз.

«Пролетали года, и Хранителю надоело ходить из комнаты в комнату и перебирать памятные вещи. Его начинала мучить тоска. Хотелось тепла и человеческого участия, а потому отправлялся он к ведьме, которая колдовством визнавала, где найти ему новую жену».

– Алисия! Лиса! Где же эта несносная девчонка?! – толстая кухарка – единственная в замке женщина, кроме прячущейся в башне младшей из рода Виру, собрав подол в узел, поднималась по крутой лестнице. – Если я сорвусь и сломаю себе шею, все останутся без ужина. А уж ты знаешь, какими бывают твои братья, если голодны! И послал Великий мне такое наказание!

Послышался грохот камней, тоненький вскрик Уршулы, и Алисии пришлось высунуться, чтобы убедиться, что башня окончательно не разрушилась и не погребла под собой рыхлое тело женщины, заменившей ей... Нет, слово «мать» к вечно ворчащей кухарке, норовящей больно ущипнуть или вовсе отправить в темный чулан за любую провинность, не подходило. Скорее, наставница, пусть никудышная, но хоть как-то готовящая к будущей жизни, поскольку на донну, призванную заниматься воспитанием девочек из благородных семейств, братья деньги тратить не желали. Какая донна, если последнее платье Лисе купили два года назад, и теперь приходилось набрасывать на плечи платок, чтобы его концы хоть как-то закрывали невесту откуда взявшуюся грудь. Пуговицы перешли на самый край, а толку никакого. Еще недавно,

стоило тронуть, грудь болела. Алисии даже казалось, что ей под кожу каким-то чудесным образом попали две гладкие гальки с берега озера Охань, но прошло полгода, и камешки истончились, а потом и вовсе исчезли, оставив хозяйку один на один с проблемой рвущихся наружу полушарий.

– Ах вот ты где! – Уршула больно схватила за ухо. Обманула, значит: пихнула какой-то камень, чтобы наделать шума, а Лиса попалась, высунувшись из своего убежища. – Все книжки читаешь? Чему только они научат? Ступай вниз, горе мое. Поможешь на стол собрать.

– В рост пошла девка! – откликнулся старший брат на ворчание Уршулы, заявившей прямо за ужином, что негоже девице из рода Виру лодыжками сверкать, надо бы новое платье справить. Подмигнув двум другим сродственникам, обернулся на кухарку: – А что и женские зори у Лиски пришли?

Несмотря на холод – камин с первого дня весны топить прекратили, Алисия сделалась кумачового цвета. Разве можно вот так, за столом, обсуждать то, что она тщательно скрывает?

– Рано еще о зорях говорить, – выгородила Лиску кухарка.

– Раз рано, значит, и платье новое ни к чему, – хлопнул ложкой Карол – как самый старший он сидел во главе стола. – Куда она, кроме местного храма, ходит? А там все свои, взглядом не обидят.

– Спаси Великий, – задрала очи к потолку Уршула, – а как одно с другим связано?

– Не твоего ума дело, старуха. Вина подай.

– Карол надеется выгодно Лиску продать и наши дела за счет будущего родственника выправить, – младший из братьев был ближе всех к сестре. Если те смотрели на нее как на обузу, Юлек баловал: то книжку потрепанную принесет – в лавке у старьевщика полно такого добра, то ленту в косу вплести. Заботы на полмедяка, а сестре приятно. Они и походили друг на друга больше всего: оба светловолосые, синеглазые, тонкокостные – говорят, в мать. Старшие же смотрелись молодыми бычками – что обхват шеи, что рук – все едино.

Ковыряясь ложкой в тарелке, Алисия наблюдала, как морщится Карол, за единый раз осушая кубок дешевого вина – на дорогое денег нет, так же как на дрова и новое платье.

А все из-за того, что после смерти родителей Карол опрометчиво распорядился наследством – поверил какому-то столичному прохиндею, вложил все средства в торговое дело, коим никогда не владел, и прогорел. А тут, как специально, который год неурожай. И какой спрос с крестьян, живущих на землях Виру? Вот и приходилось на всем экономить. А замок требует присмотра. Суровые зимы обрушили полкрыла – его, нежилое, не топили и крышу вовремя не залатали, а просочившаяся вода, заледенев, сделалась вроде лома и легко раскола кладку.

– А что? Лиска в самый сок входит, – Стефан – средний брат сорвал с ее шеи платок и бесцеремонно устави́лся на рвущиеся из петелек пуговицы. – Еще годок-другой и пора бы о женихах задуматься.

– Какие женихи? – Уршула подавилась куском хлеба. Прокашлявшись и смахнув слезу, с укоризной посмотрела на Карола, откинувшегося на спинку стула и раскачивающегося на двух ножках. – Алисии и пятнадцати нет!

– В наших краях с шестнадцати брачные венцы плетут. А мы, как Лискины братья, должны позаботиться, чтобы ей достойный муж попался. Никто нам не мешает заранее сговориться. Кто больше выкуп даст, тот и заберет.

– Хоть в тот же день! – хохотнул Стефан, бросая обглоданную кость псу, вертящемуся у стола. – Лиска лицом в мать пошла, а та знатной красавицей считалась. Жаль, что ее портреты пришлось продать.

– Ну так там знаменитый мастер работал, за них хорошие деньги выручили.

– Которые на дно вместе с кораблем пошли, – напомнила о печальном событии кухарка, за что получила гневный взгляд Карола, предвещающий выволочку, а потому, быстро собрав посуду со стола, поспешила в свои дышащие огнем владения.

Младший, Юлек – самый тихий и робкий из братьев, с сомнением покачал головой.

– За такую, какая Алисия сейчас, я и медяка не дал бы. Права Уршула, нужно Лисенку платье обновить. И туфли хорошие заказать.

Лиска спрятала ноги под стул. Башмаки на ней были крепкие, еще не один год проносила бы, но нога росла. Вернуться бы на три года назад, когда каждая обновка была в радость, а не в укор ей, Алисии, расцветающей непомерно быстро.

– Эх, если бы можно было время вспять повернуть! – старший будто мысли ее прочел. – Я бы того паршивца с лестницы спустил. Вот хотите верьте, хотите нет, но он меня словно околдовал – так ладно пел о кораблях, груженных специями и золотом, о странах, где женщины разгуливают в одних юбках и водят мужей за вдетые в нос кольца. И ведь умом понимал, что влезаю в авантюру, вкладывая деньги в рискованное дело, а все равно будто Чумазый под локоть толкнул.

От том, как было жутко, когда брат узнал о затонувших кораблях, Алисия вспоминать не любила. Он разгромил все то небольшое, что осталось ценного – теперь в ее комнате лишь кусок зеркала вместо того, что занимало треть стены. А сколько посуды расколошматил, перевернув шкаф? Изразцы на кухонной печи до сих пор с шербинами.

А как дрались братья, вина друг друга – ведь совет держали перед тем, как деньги вручить прохиндею! Старшие двое в порт ездили, чтобы в наличии парусника убедиться. У Стефана, вон, до сих пор рана на спине чешется – перила на лестнице треснули от удара и щепка едва не насквозь прошила. Лиса не раз слышала, как брат по ночам стонет, проклиная судьбу. Он теперь увечный – руку высоко задрать не может, согнуться пополам тоже. Ходит точно кол проглотил.

Юлека больше всех жалко – он разнимать старших полез, и в пылу драки его так по голове саданули, что теперь плохо видит. Мучаясь раскаянием, Карол лекаря пригласил аж из самого королевского госпиталя, но тот только руками развел. «Молитесь, чтобы зрение вовсе не утратилось».

– И я хотел бы время вспять повернуть, – Юлек устало провел ладонями по лицу.

– И я, – Стефан кинул хмурый взгляд на молчащую сестру. Алисия опустила глаза. Она знала, о чем он думает – если бы не тяжелые роды матери, выдавившей на свет Лиску, та до сих пор была бы жива. И отец, наверное, тоже. Никто же не знает, почему он на озере оказался, когда там лед тонкий, как стекло, был. То ли руки на себя наложил, то ли нечаянно оступился.

Старший поднялся со стула. Его качнуло.

– Завтра же в столицу напишу. Пусть дядя пощупает, кто с Виру породниться желает. Как никак мы королевского рода, а Алисия, стало быть, принцесса. Надо бы миниатюру заказать, чтобы товар лицом показывать.

– Дорого обойдется, – Стефан поиграл серебряной ложкой. – Художника следует толкового найти, иначе такой портрет намалюют, что за Лиску еще приплачивать придется.

«У меня впереди два года, – успокаивала себя Алисия, слушая планы братьев, – а за это время многое может измениться».

Одно было хорошо – платье и обувь ей справят новые. Портрет тоже очень хотелось.

После Лиса долго стояла перед зеркалом, изучая свое лицо. Она как-то не задумывалась, такая же она красивая, как мама, или нет, а сейчас, когда свеча освещала то одну половину лица, то другую, и вовсе казалась себе страшной. И странное дело, уже желалось, чтобы хоть кто-то на нее польстился – на такую худую, нескладную.

– Куда засобирился? – старая карга, в которую превратилась некогда первая красавица Закряжя, уцепила скрюченными пальцами полу кафтана Свеярида. – Мала она еще, чтобы ею любоваться. Не пугай, дай подрасти.

Ярид с тоской посмотрел за окно: снег сыпал третий день, серое небо едва не лежало на плечах, поганя и без того тоскливое настроение.

– Я только взгляну. Не понимаешь? Мне побыть с ней рядом, все равно что сладкого воздуха глотнуть.

Вайга накрыла крышкой котел, в котором быстро таяла ледяная корочка. Домашнее тепло вредно для магии льда: там, где только что высились шпили некогда грандиозного замка, громоздились оплавленные до прозрачности кубики льда.

– Еще успеешь, наглотаешься. Всего-то четыре годочка подождать. Отправь лучше к ней кого из своих, пусть приглядят. В такой семье и сгинуть легко.

– Оттого и переживаю, – Ярид тяжело вздохнул. – Хоть самому в няньки нанимайся.

– Ну ты удумал! – карга цокнула языком. – А кто же Врата будет стеречь?

– А что с ними делается? – Свеярид накинул на плечи меховой плащ, щелкнул серебряной застежкой под шеей.

– А вдруг кто ключи от них найдет?

– Если у вора вместо сердца кусок льда, а другого у замыслившего недоброе и быть не может, бояться нечего. Да и ты присмотришь. В случае чего весточку пришлешь.

– Я не поняла, – старуха поднялась со своего места, едва не опрокинув котел, – ты шутишь или на самом деле уходишь?

– Ухожу, Вайга, ухожу! – хлопнув рукавицами по ладони, князь Свеярид широко улыбнулся.

Распахнутая дверь впустила в дом злой ветер. Он сыпанул горстью снежинок, но те, не выдержав тепла, осели у порога хрустальными каплями.

Старуха прошлепала к двери, закрыла ее на засов, постояла немного, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

– Никуда ты, милый, от Врат не денешься.

– Лисенок! Лиска! Тут такое дело! – в дверях вырос Юлек. Волнение не давало брату стоять на месте. Он словно перекатил поле стучался об стены. Запускал пальцы в волосы, тербил их. Опускался на стул и поднимался вновь, начиная вышагивать по комнате.

– Юль, чего душу рвешь? Говори уже! – прошла неделя после того, как старший брат отправил дяде письмо, и Алисия с нетерпением ждала ответа. Лорд Пилли – брат их матери, не оставлял о племянниках заботы, хотя «старшенькому» зимой стукнуло двадцать пять. Но, видимо, памятуя о том, как Карол однажды распорядился состоянием семьи, пустив его на океанское дно, продолжал присматривать за отпрысками несчастной сестры.

– Ты, это, только не волнуйся.

– Великий, не оставь меня! – Алисия села на стул: худые известия лучше не встречать стоя.

– Дядя написал, что твоей руки просит Хранитель. Он ответил ему согласием.

После того, как Лиса совладала с собой и, выпив стакан воды, вернула лицу краски, брат распахнул дверь.

– Идем, нас ждет Карол.

Глава 2. Заветы братьев

В помещении, бывшем когда-то кабинетом отца, где на стенах зияли светлыми прямоугольниками следы от проданных картин и чувствовалось отсутствие огромных книжных шкафов, место которых заняли разномастные стулья, собрались все обитатели замка Виру. Конечно, кроме конюха, который как раз сейчас выкатил во двор карету и, ругаясь, ходил вокруг нее, соображая, как вернуть забытой в хламе вещи подобающий вид.

Но именно загромождающий карету хлам не позволил три года назад продать ее, как ту же самую библиотеку, насчитывающую несколько тысяч ценных книг, и бюро с чернильным набором, помнящем, как прадед, обмакнув перо, дрожащей рукой подписывал отречение от престола.

– Для кого готовят карету? – Лиса почувствовала недоброе. Где обещанные годы жизни до совершеннолетия, за которые судьба может претерпеть изменения? Ведь одно дело узнать, что Хранитель пожелал взять заморыша в жены, что само по себе казалось если не насмешкой, то ошибкой, и совсем другое – вот прямо сейчас, несмотря на неполные пятнадцать лет, отправиться к старику в стылую постель. Именно таким Лиске виделся Хранитель – стариком, пережившим всех своих жен, а теперь вознамерившимся погубить и ее, совсем юную и не успевшую почувствовать томление любви. А с Хранителем какая любовь?

Если кухарка и не рассказывала ей, что происходит между мужчиной и женщиной после свадьбы, то этот пробел успешно заполнили любовные истории, которые Алисия читала запоем. Но там описывалось все красиво: ее, дрожащее как лепесток вишни на ветру, ресницы, его чувственный взгляд, предвещающий полный страсти поцелуй, ну и прочие глупости, которые сейчас виделись совсем по иному. Седые космы старика, его дряблая кожа, тянущиеся к поцелую обескровленные губы... Фу! Фу-фу-фу!

– Ты уезжаешь. Посланник Хранителя ждать не будет.

Только сейчас Алисия заметила постороннего. Он сидел в кресле у стола спиной к ней. Произнесенные братом слова заставили посланника встать и отвесить сдержанный поклон. Незнакомец как нельзя лучше соответствовал придуманному Лиской портрету Хранителя – высокий старик с собранными в хвост седыми волосами. Его холодные глаза изучающе скользнули по фигуре «невесты», из-за чего той захотелось сжаться.

– На сборы дан час, – произнес он бесцветным голосом.

– Да-да! – торопливо подтвердил Карол, сворачивая в рулон только что подписанный документ. И по тому, как уважительно он относился с испещренной чернилами бумаге, сделалось понятно, что она весьма ценна. Горящий восторгом взгляд Стефана и испуганный Юлека обожгли догадкой, что повернуть назад не удастся – Алисию только что продали. – Я сам прослежу, чтобы понапрасну не растратили и минуты вашего драгоценного времени.

Карол вытащил из стола связку ключей и, со значением кивнув Уршуре, ответившей ему таким же кивком, отдал ей один из них – большой, с искусно отлитой головкой.

– Леди Алисия, следуйте за мной, – каким-то чужим голосом произнесла Уршула и, повернувшись к двери так, будто она была не простой кухаркой, а как минимум хозяйкой замка, важно пошла впереди. На щеках «наставницы» играл румянец, а нос задирался так высоко, что Лиса поневоле осознала, что сейчас ей откроется что-то доселе неизвестное и таинственное.

Ключ подошел к двери, за которую Алисия ни разу не ступала. Не из-за того, что не пускали, а просто не появлялся интерес – большинство комнат в замке пребывали пустыми: без мебели и без занавесей. А кое где даже отсутствовали стекла: старые разбились, а на новые не нашлось средств, да и нужды, а потому в них гулял ветер, и жили голуби.

– Что это? – спросила Лиса, вытягивая руку с лампой. Та осветила сундуки стоящие вдоль стен небольшого помещения. – Сокровища?

Уж больно дорогими смотрелись сундуки – с затейливыми скобами, резными крышками, украшенные цветной эмалью и кованными ручками.

– Сокровища, – запыхавшаяся кухарка сняла со стену веревку с болтающимися на ней ключами. – Матери твоей приданое. Денег и драгоценностей тут, конечно, не сыщешь, но вот богатой одежды полно.

– А что же вы раньше молчали? – в голосе Алисии слышались слезы. Она ходила оборванной, а тут, оказывается, чуть ли не королевские наряды!

– Чтобы ты их, лазая по разрушенной башне, трепала? Или весеннюю грязь в расшитых золотом сапожках месила?

Сундук открывался за сундуком, являя бархат и парчу, тончайшие шелка и легкие меха. Резко запахло лавандой – ее сухие веточки рассыпались, падая на пол, а наряды перетряхивались и вешались на спинку сундуков. По тому, как ловко и со знанием дела работала Уршула, она перебирала их не раз.

– Но храм...

– Ты видела, как бедно одеты наши прихожане? Хотела бы вызвать завистливые мысли?!

– А отчего же брат не продал их, ведь за добротную ткань можно и золотой выручить?

– Хвала Небесам, хоть тут у Карола разумения хватило!

– Он всегда помнил, что в нашей семье растет сокровище, которое можно дорого продать. А как обойтись без красивой обертки? – послышался от двери голос Стефана.

– И много вы сегодня выручили? – слезы исчезли, осталась злость, что ее, Лиски, душой расплачиваются за свои же ошибки.

– Пока оговорили только аванс, а вот как выполнишь все условия, получим остальное.

– Какие такие условия? – от страха заболел живот. Во что ее втравливают? По силам ли будут те условия?

– Ничего особенного. Что-то вроде блюсти себя только для мужа, не порочить свое и его имя, не позволять вольных речей, могущих быть использованными против него, не причинять зла своими деяниями...

– Спаси Великий! Что я такого могу рассказать о Хранителе? Я и не знаю его да и не видела ни разу!

Стефан повернулся к Уршуле, делающей вид, что выковыривает цветочки лаванды, запутавшиеся в кружевной накидке, а на самом деле чутко прислушивающейся к разговору.

– Оставь нас!

Кухарка обиженно сжала губы и посеменила к двери, которую Стефан тут же плотно притворил.

– Слушай меня внимательно, – Стефан навис над сестрой, которая невольно попятилась и едва не ухнула в открытый сундук – брат не позволил упасть, схватил пятерней за ворот. Встряхнув так, что клацнули зубы, поставил на ноги и, не отрывая злых глаз от лица, прошипел: – Оказавшись у Хранителя, отыщешь пять ключей от Белых врат. Пять! – он растопырил пятерню и помахал ею перед лицом сестры, чтобы та запомнила. – Как только справишься с этим делом, пришлешь нам весточку с сигнальным словом «Скучаю».

– И что будет после? – Алисия заглянула дальше, оставив на потом размышления, что этим требованием братья сами себе закрывают путь к полному расчету за нее, поскольку толкают на нарушение установленного Хранителем правила: «Не причинять зла своими деяниями». Заданным вопросом Лиса хотела высветить меру грозящего зла, а иного от Стефана она не ожидала, иначе тот не выгнал бы Уршулу прочь.

– Что ты знаешь о Белых вратах?

– Почти ничего. Знаю, что лучше бы им быть закрытыми, иначе миру грозит беда. И за этим как раз следит Хранитель.

– Так вот, я скажу тебе правду: нам очень повезло, что к тебе посватался именно он. Кто только ни предлагал Хранителю своих дочерей, лишь бы подобраться к Белым вратам! Даже король Свардии, проигравший в последней войне половину страны, присылал ему портреты дочерей. Бери, мол, на выбор! А если люби обе, обеих и отдам.

– Я не понимаю...

– Все просто: он желал изменить исход Шаденского сражения, когда конница Напрея обошла его с тыла!

– А при чем тут Хранитель?

– Очень даже при чем! Открыв Врата, можно изменить прошлое! Только представь, как хорошо бы мы жили, если бы Карол тогда не развесил уши, а прогнал шельмеца, вытянувшего наши деньги. У тебя шкафы ломились бы от платьев. Вокруг десятки слуг, а за тобой приглядывала бы не полуграмотная Уршула, а донна, говорящая на семи языках. И главное, тебе не пришлось бы выходить замуж по принуждению. Все, сестричка, волшебным образом изменится, стоит только раздобыть ключи! Все!

– Не будет утонувших кораблей, у тебя прекратит болеть спина, а Юлек не ослепнет...

– Вот! Правильно мыслишь! – дыхание низко склонившегося брата щекотало ухо. Пальцы, удерживающие ворот, ослабли, позволяя вдохнуть полной грудью.

– Но правила Хранителя...

– Какое из них мы нарушим? Разве ты причинишь своими деяниями зло? Наоборот, ты позволишь избежать его! Кому сделается хуже от того, что мы изменим прошлое?

– Проходимцу? – Алисия действительно желала зла обманщику. Ему следовало получить по заслугам – отправил в дальний путь прогневшие суда, погубил столько людей!

– А потом, как только все изменится, не будет никаких правил и никакого Хранителя, – продолжал увещевать Стефан.

– Но как мне прожить то время, пока я не отыщу ключи? Мне же придется возлечь со своим мужем в постель...

– А ты успокаивай себя тем, что видишь просто сон, дурной сон, но не бесконечный, а после ничего такого уже не повторится. Ты будешь вольна выбирать жениха. Хочешь, по любви, хочешь по достатку.

– А вдруг у меня не получится? – лицо у Лисы горело. Хотелось прижать к щекам ледяные пальцы, чтобы хоть как-то унять жар, мешающий думать. – Вдруг я не найду ключи от Врат?

– Дурочка! Ты же будешь рядом с Хранителем – вот и проследи за ним. Куда ходит, какие с собой берет ключи. Прямого интереса не показывай, постарайся вызнавать все намеками. Покажи, что нуждаешься в доверии. Будь ласкова и податлива. Умная женщина через постель многое способна вызнать.

Алисия с силой оттолкнула брата. Тот, не ожидая, шагнул назад, выпустил из рук ткань платья.

– Не забывай, что я еще не женщина и далеко не самая умная. Иначе не слушала бы твои искушающие речи. Не толкай меня к страшному. Мне и без братских наставлений тяжело. Это не тебя, а меня отдают в руки старика. А знаешь ли ты, сколько у него до меня было жен?

– «Закряжских сказаний» начиталась? Так то сказки. Я напрямую у посланника Хранителя спросил. Знаешь, что он ответил?

– Что?

– Что жена у Хранителя всегда одна! И этого тебе должно быть достаточно!

Алисия в споре потеряла все силы, села на край сундука, закрыла лицо ладонями. Брат навис над ней черной тучей.

– Запомни, будешь делать, как велено.

– А иначе? – прошептала она, не разнимая рук.

– Иначе слепой Юлек на всю жизнь будет тебе укором.

В дверь постучали.

– Долго вы что-то, – младший брат с тревогой посмотрел на наскоро промокающую глаза сестру, на хмурого брата, смахивающего прилипшие к вспотевшему лбу волосы.

– Да вот, прощались. При посторонних неудобно сестру напутствовать.

– Я тоже поговорить пришел. Вернее, спросить: так ли уж надо Лисенка сейчас к Хранителю отправлять? Нельзя ли подождать? Почему Карол не противится, ведь она еще девочка? Какая из Лисы жена?

– Карол сам всего не знает. Дядя в письме вскользь упомянул, что все формальности улажены, беспокоиться не о чем. Наше дело сестру в дорогу снарядить.

– Лисонька, если тебе будет плохо, возвращайся, – Юлек взял ее руки в свои, погрел их дыханием. – Не слушай братьев, помни, что у тебя есть я.

– Я помню, – она порывисто обняла Юлека, долговязого и нескладного. Всего лишь полтора года разделяло их, и были младшие против Карола и Стефана, как два слепых котенка.

– Еще не наговорились? – в помещение ввалилась Уршула. – Посланник каблуком постукивает, намекает, что пора бы отправляться, а у нас ничего не меряно. А вдруг не подойдет вовсе? – она хлопнула ладонями, убивая взметнувшуюся ввысь серую бабочку. – Или побито молью? Но нет же! Все оставили на последний день! Говорила же, надо хоть одно новое платье справиться!

– Уршула, а ты помнишь, какой была мама? – Лиса подошла к сундуку, вытянула нижнюю рубашку из тончайшего кружева, пожелтевшего от времени. – Я статью пошла в нее?

– Откуда мне помнить? Я в доме появилась гораздо позже. Дура, надо было сразу после смерти лорда Виру уходить, а я нет, осталась, прикипела тут к некоторым, – пришло время и Уршule пустить слезу.

Глава 3. Сомнения, сомнения, сомнения

Прощание проходило суетно. То сундук забыли привязать, и стоило телеге тронуться, как он упал, разбрызгав осеннюю хлябь, то Уршула вдруг опомнилась, что забыла собрать в дорогу корзину с едой, и повисла всей тяжестью на ручке двери, крича кучеру погодить.

Карол, сухо попрощавшись, вернулся в дом. От него уже пахло вином. Стефан, облокотившись на перила каменной лестницы, наблюдал за метаниями кухарки и за покусывающей губы сестрой. Насмешка не сходила с его лица. Лиса, бросив на него взгляд, поморщилась: уезжать из родного дома и так было нелегко, а с такими непонятными братскими напутствиями и того хуже. Еще ничего не совершив, она уже чувствовала себя обманщицей и воровкой.

– Вот, возьми, – прибежал запыхавшийся Юлек, – я думал тебе на день рождения подарить.

Красная лента, новая, еще нестиранная, а потому упрямо скользкая, раскрутилась в его руках.

– Красивая. Я вплету ее в косу, когда почувствую себя одинокой.

– Лисенок, я буду скучать.

– Может, Хранитель разрешит тебе навещать меня? А, впрочем, не надо, – душа Алисии заняла, когда она увидела, как загорелся и тут же потух взгляд младшего брата. Но как объяснить, что стоит ей позвать одного, как тут же заявятся старшие? Как бы ни сложилась ее жизнь, Стефана и Карола она не хотела видеть рядом. Это они делают из нее злодейку. Она еще не знает, будет к ней муж добр или нет, а уже затаила против него несправедливость.

«А вдруг не все так страшно, как я думаю? – ей бы задаться мыслью, как ее встретят-приветят, а она переживала, чем закончится воровство ключей. – Вдруг Хранитель сам предложит сходить за Врата и подправить прошлое, принесшее столько несчастий моей семье? А если заглянуть еще дальше, и вовсе спаси погибшую в родах мать? Неужели откажется сделать жену счастливой?»

Вопреки ожиданиям, посланник Хранителя не разделил с подопечной карету. Несмотря на возраст, легко заскочил на отдохнувшего коня и, надвинув на лицо капюшон, поскакал довольно резво. Конюх, исполняющий роль кучера, грозно прикрикнул на запряженных лошадей и, стеганув хлыстом, заставил тех пошевеливаться. Карета, громыхая по каменной кладке, двинулась в путь.

На крыльце плакала в голос кухарка. Проклинала равнодушных братьев и грозилась навсегда уйти.

До столицы добирались два дня.

Ночевка на постоялом дворе добавила впечатлений. Алисия смотрела на открывающийся ей мир широко распахнутыми глазами.

Мамина одежда оказалась велика, и Уршулины ухищрения «здесь подвязать, а тут утянуть» не сделали ее удобней. Лиса то и дело наступала на подол и, если бы не сильная рука лорда Винда – так представился посланник Хранителя, «благородная особа» не раз бы убилась то о высокую ступеньку, то о незамеченную скамью.

Поданную в трактире еду Лиса назвала божественной, только сейчас поняв, что все то, что готовила Уршула, смело можно было отнести кстряпне на скорую руку. Ни тебе подгоревших кусочков, ни некстати встречающихся осколков костей. И никакого серого цвета и такого же вкуса.

Вино лорд Винд назвал весьма недурственным, но Алисии не предложил, что однозначно говорило, что Лиса, хоть и приобрела статус невесты, в глазах старика оставалась сущим дитем.

- Для вина, значит, по возрасту не подхожу, а вот в жены гожусь? Где справедливость?
- М-м-м, а я думал у нашей малышки нет голоса, – промычал старик, смакуя вино.
- Называйте меня леди Виру, – строго произнесла Алисия.

Винд подозвал пальцем разносчика и, вопреки ожиданиям «леди Виру», заказал:

- Принесите моей даме сахарной воды.

– Могу подать узвар из сушеных яблок и малины, – льстиво склонился слуга. Он прямо-таки светился от счастья, что способен оказать услугу. Такие молодцы еще с порога чувствуют, озолотит постоялец лишней монетой или будет до последнего торговаться, а потом дрожащей рукой отсчитывает медяки.

Лиса скривилась, когда на столе лорд Винд оставил незаслуженно много. Нужда заставила ее быть рачительной.

Столица поразила грандиозностью въездных ворот, суетой и терпеливостью стражи, досматривающей прущую в город, несмотря на холод, толпу. Карету леди Виру пропустили без осложнений – сопровождающий лишь показал серебристую бляху, появившуюся из внутреннего кармана плаща.

Алисия, занавесив окна, прятала нос в пушистом вороте шубы. Зима по календарю еще не вступила в свои права, но с утра зарядил густой снег.

Чем быстрее они приближались к цели своего путешествия, тем чаще колотилось Алисии сердце. Она обмирала от страха. Какой из себя Хранитель? Будет ли он таким же беспощадно сухим и немногословным, как лорд Винд, или в его глазах окажется больше тепла? Не стошнит ли ее сразу, как только будущий муж заговорит с ней, а еще пуще, если возьмет за руку? Поведут ее завтра же под венец или свадьба случится во владениях Хранителя? Лиса вычитала в «Закряжских сказаниях», пусть Стефан и назвал их сказкой, много полезного. Оттуда она узнала, что Хрустальный замок находился далеко на севере, у самой границы с морем, зимой и летом прятая свои воды под толстой коркой льда.

С опаской она входила в богатый дом, даже оглянулась на пороге на развязывающего сундуки конюха, будто он мог окликнуть ее и погнать лошадей назад, увозя к братьям и Уршуре, пусть живущим кое-как, но зато привычно.

– А вот и моя красавица! – невысокий мужчина протянул к ней руки, будто ожидал, что она немедленно прыгнет в объятия. Полностью седой, с немалым животом, на котором расходилась жилетка, грозя оборвать пуговицы, с кручеными усами и красным от восторга лицом (Алисия знавала таких людей, встречала в храме: стоило им рассмеяться или рассердиться, как их лица тут же полыхали огнем), он своим порывом только напугал, заставил ее отступить. Вошедший следом лорд Винд положил на плечи своей спутницы руки и со значением сжал их.

- Что же ты не поприветствуешь своего дядюшку?

– Да никак малютка Лиса меня не признала? Ах, как же я запомнил! Мы же виделись в последний раз на похоронах лорда Виру!

– А-а где Хранитель? – Лису еще не отпустило. Она, не ожидая, что попадет в дом дяди Хенрича, сразу поверила, что вот этот пожилой толстячок и есть ее будущий муж.

– Хранитель? Почему мне знать? – дядюшка перевел вопросительный взгляд на лорда Винда.

- Князь в своих владениях, на севере, – тот равнодушно пожал плечами.

Алисия не выдержала, обернулась и несколько раз раскрытой ладонью хлопнула мужчину по груди.

– Ах, почему же вы сразу мне об этом не сказали? Я всю дорогу готовилась к встрече с Хранителем, а вы... а вы... – слезы градом лились по лицу.

– Милая, кто же знал, что ты так хочешь встретиться с женихом? – дядюшка был рас-
терян. И как назло его супруги не было дома, поехала навещать внуков, а уж кому как не ей
знать, как утешать молоденьких девушек.

– Вы ничего не понимаете, – она не стеснялась слез. – Мне всего четырнадцать, а все
вокруг только и твердят о будущем муже, который мне в прадеды годится.

– Лисенок, разве мы звери какие? Да, я договорился с Его Светлостью Хранителем о
вашем браке, но никто не говорит, что он должен свершиться немедленно! Им оплачен самый
дорогой пансион, где ты пробудешь до своего совершеннолетия... Прости, но он знает о бед-
ственном положении семьи Виру, и хотел помочь тебе занять достойное место среди равных
по древности рода. Такой бриллиант как ты, моя девочка, нуждается в дорогой огранке.

– Не сейчас? – слезы мешали рассмотреть лицо дяди, оно расплывалось, а потому Лиса
не могла понять, Хенрич шутит или говорит правду. Ей дадут четыре года свободы?

– Если ты о замужестве, то не сейчас, а если об учебе в пансионе, то как минимум через
две недели. Завтра вернется моя супруга и займется твоим гардеробом. Даже я вижу, что... к-
хм... платье на тебе сидит неловко.

– Это мамино платье. И ее шуба.

– Никто не говорит, что вещи плохие, – поспешил оправдаться дядя, – но для юной
девушки надобны совсем иные фасоны. Более свежие и не из такой тяжелой ткани. А впрочем,
пусть этим займется моя Эдита. Ханна! Ханна! – дядя обернулся и крикнул так, что вздрогнул
лорд Винд. – Принимай гостей!

Со второго этажа вниз сбежала служанка в чепце и накрахмаленном фартуке.

– Покои для молодой госпожи готовы! – бойко сообщила она, краем глаза рассматривая
стоящую посреди холла Алисию. Той вдруг стало до дрожи стыдно и за волоочащийся по полу
грязный подол, и за шубу не по размеру, и за запах лаванды, что так и не выветрился за дни
путешествия.

– А вы? – дядюшка Хенрич обратился к лорду Винду. – Вам есть где остановиться?

– Нет-нет, не беспокойтесь обо мне, – тот накинул на голову капюшон мехового плаща. –
Мне пора.

– Даже на чай не останетесь? – забеспокоился дядюшка. Видела бы сейчас его Эдита,
отругала бы, что до сих пор держит гостей в прихожей. – Наша повариха знатно печет.

Не осознавая того, он прошелся по ряду пуговиц на жилетке, которые без слов говорили,
какие славные пироги пекутся в этом доме.

– Как-нибудь в другой раз, – лорд Винд повернулся к Алисии и взял ее ладонь. – Надеюсь,
мы еще увидимся, – он наклонился и галантно поцеловал ее руку.

Только убедившись, что скрывшийся за дверью лорд не вернется, Лиса спросила у своего
дядюшки:

– Дядя Хенрич, а лорд Винд случайно не Хранитель?

Тот нахмурился. Задумчиво покрутил ус, чем еще больше напугал племянницу и, нако-
нец, произнес.

– Видишь ли, милая, я все переговоры вел именно с этим человеком и настоящего Хра-
нителя не видел. А потому, чем Чумазый не шутит? Теперь и я сомневаюсь, а не разговаривали
ли мы с тобой с тем самым северным князем?

– А можно где-нибудь точно узнать? Ну, наверное, существуют его портреты или кто-то
встречался с ним и готов описать внешность? Он ведь старый, да?

– Боюсь, что старый, – дядя удрученно вздохнул. – Я слышал о нем, когда был совсем
юн, а мне уже за шестьдесят, – видя, как сникла Лиса, сделал плаксивое лицо. – Я не мог
ему отказать. Хранителю вообще мало кто решится отказать. Видишь ли, в его власти менять
прошлое, а я своим доволен...

– Лорд Винд угрожал вам?!

– Нет, что ты. Он просто сказал, что Хранитель не отступится. И еще... – дядя помялся. Обернувшись и убедившись, что никого из слуг рядом нет, доверительно взял за руку и прошептал: – Лорд Винд поклялся, что северный князь возляжет с тобой постель, если ты сама пригласишь его туда. Ты же на меня не обижаешься, да, девочка? Ведь за четыре года всякое может случиться. Хранитель стар и... и может передумать жениться.

Вспомнив о напутствиях Стефана, Алисия кивнула.

– Да, дядя, не обижаюсь. Время есть. Все еще может измениться.

– Так подавать пироги или нет? – из дверей, ведущих в просторную залу, появилась дородная женщина. Густой бас ее завораживал. – Без леди Эдиты вы, мой господин, совсем от рук отбились. Гостью у порога держите, даже шубу не изволили с нее снять. Сундуки, вон, горой стоят.

А Лиса даже не заметила, когда их внесли.

– И где эта Ханна? Почему за порядком не следит?

– Все-все! – дядюшка поднял руки вверх. – Сдаюсь! Веди меня к своим пирогам.

– Куда? – повариха перегородила вход в столовую, будто ожидала, что гостя возьмет ее штурмом. – А переодеться с дороги? Да и вам, мой господин, не мешало бы обновить рубаху, с завтрака в пятнах. Эх, когда же вернется леди Эдита?!

Будто из под земли выросла быстроглазая Ханна и повела Алисию по широкой лестнице на второй этаж. Дядюшка кряхтя поднимался следом.

– Поспеши, милая, – напутствовал он племянницу, поворачивая в противоположное крыло. – Пироги нужно есть горячими!

Сзади, громыхая тяжелыми сапогами, плелись пригнанные Ханной мужики, выглядящие скорее грузчиками, чем домашними слугами.

– Это наши садовник и сторож, – пояснила Ханна, пропуская «юную госпожу» в просторную комнату. Убедившись, что сундуки поставили так, чтобы было удобно откинуть крышки, служанка выпроводила мужчин. – Ополоснуться можно там, – она указала рукой на ширму, разделявшую комнату на две неравные части. – А я пока подберу вам платье.

Алиса с беспокойством посмотрела на свои сундуки. Она переживала, что из имеющихся нарядов подходящий так не найдется, и тогда ее оставят без ужина.

Чтобы не выглядеть робкой неумехой, Лиса решительно сняла с себя дорожную одежду и с удовольствием поплескалась в подогретой воде. Выйдя из-за ширмы, она обнаружила, что Ханна прекрасно справилась с ее гардеробом: на кровати лежало шелковое платье зеленого цвета. Слишком широкий ворот золотые ручки служанки закололи брошью из хозяйских запасов, и вышло вполне сносно. Косу распустили и как-то по особому скрутили на затылке.

– Вечером я согрею купальню, – Ханна поймала взгляд юной госпожи в зеркале. – Завтра у вас тяжелый день – придет леди Эдита.

Алисия непонимающе вскинула брови.

– О, ничего плохого с вами не случится. Просто она вызовет швей и вас истыкают иглами. Непросто справиться с кучей нарядов за две недели. Но леди Эдита обладает богатым опытом – у нее как-никак трое дочерей, и прекрасным вкусом, вам понравится.

– Я вижу, что все в доме сделано с изяществом, – произнесла Лиса, намекая на обстановку своей опочивальни. Хоть в ней и господствовал розовый цвет, он не был кричащим, а разбавленный белым делал помещение со множеством подушечек, мягких пуфов и миниатюрных диванчиков милым и уютным.

Засыпая на новом месте, Алисия не прошептала фразу, которую не раз встречала в сказках и романах о любви. «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте» – не то пожелание, исполнение которого горячо ожидалось. Увидеть во сне лорда Винда или подобного ему старика совсем не хотелось.

Но все же Алисия засыпала с улыбкой. И радовали ее вовсе не перспектива обзавестись красивым гардеробом, и не волнующий душу переезд в пансион, где у нее непременно появятся подруги, а четыре года свободы, подаренные ей будущим мужем.

«Четыре! Я проведу их так, будто они последние в моей жизни!»

Глава 4. Деятельная леди Эдита и ее команда

Ханна была права, тетушка Эдита оказалась весьма деятельной натурой. Едва проснувшаяся Алисия почувствовала, что дом изменился: наполнился голосами, звуками шагов, хлопанием дверей.

– Нет, у меня больше нет сил ждать, когда ты проснешься! – она влетела в комнату, пахнув свежестью и изысканными духами. – Подъем! У нас сегодня много дел!

Тетушка Эдита раздвинула занавеси на окнах, чтобы впустить столь редкий в приближении зимы солнечный свет. За ночь снег запорошил все вокруг и теперь похрустывал под ногами прохожих.

Лиса зажмурилась и упустила момент, когда с нее сдернули одеяло.

– Это никуда не годится! – рыжеволосая небольшого роста женщина стояла у кровати, уперев изящные кулачки в бедра. – Разве такое белье предназначено для молоденькой девушки? Я понимаю, если бы ты была моего возраста и провела всю жизнь в монастыре...

– Но... – Лиса села и потянула на себя одеяло.

– Никаких «но»! Снять и немедленно!

– Я...

– Лучше вовсе остаться голой, чем сверкать бельем прошлого века.

– Оно не такое древнее, – возразила Алисия. – Это из приданого моей мамы.

Тетушка закатила глаза и удручающе покачала головой.

– Я всегда знала, что у семьи Пилли плохой вкус. Снарядить твою маму эдаким... – Алисия прямо чувствовала, что Эдита усилием воли заставила себя проглотить слово «убожество». – Ах, не хочу оскорблять память Иоланты, но судя по тому, что все вещи так и остались в сундуках, даже она не отважилась носить их.

Эдита прошла к шкафу, куда вчера Ханна вывесила наряды племянницы, повозилась, раздраженно стуча плечиками, и извлекла на свет стеганный халат.

– Вот, накинь на себя. Сейчас принесут завтрак, – тетушка достала из-за пояса часы на цепочке и глянула на циферблат. – У тебя пять минут, чтобы умыться, и пятнадцать, чтобы поесть. Ровно в восемь двадцать и ни минутой позже здесь появятся модистка мадам Зофия и ее помощницы. Через два часа из салона «Очаровательные ножки» принесут самую модную на сегодняшний день обувь.

– Я не знаю свой размер... – Лиса торопливо стаскивала рубашку, не понравившуюся тетушке. Лучше предстать голой перед ней, чем перед кучей служанок, которые вот-вот заполнят комнату.

– Пока ты спала, я померила твою ногу и отправила записочку Ружеру.

Спрятавшись за ширмой, Алисия невольно прислушивалась к командному голосу Эдиты, которая задергала служанок – те передвигались бегом. Но когда Лиса появилась в наглухо запахнутом халате, в комнате царил полный порядок, а на столе стояли блюдо с умопомрачительно пахнущим печеным, кувшин с молоком и вазочка с мармеладом – поистине царское угощение после постных каш Уршулы.

– Ты слишком долго возишься! – Эдита посмотрела на часы и постучала острым ноготком по стеклу. – Мадам Зофия уже здесь и только ждет приглашения подняться.

Хорошо, что булочки были на один укус, они пролетели одна за другой, и даже не пришлось тратить время на намазывание мармелада. Но не попробовать его Алисия не могла: сунув ложку рот, зажмурила от наслаждения глаза.

– Пош-ш-шественно... – произнесла она, чувствуя, как нежнейший мармелад обволакивает небо.

– Я позже дам тебе целую банку, – пообещала Эдита, открывая дверь и впуская в помещение служанок, которые расторопно собрали посуду. Молоко Алисия пила на ходу и отдала чашку только у двери.

– Салфетка! – Эдита сунула ей в руки тончайшее полотно, украшенное мережкой. – Промокни губы, – и тут же: – Здравствуйте, мадам Зофия! Чем вы нас порадуете?

В комнату вошла статная черноволосая женщина, за ней несколько прислужниц с коробками и рулонами ткани в руках

Алисию вертели как куклу. Сняли с нее халат и не позволили одеться даже тогда, когда она начала стучать зубами. После полного обмера ткани подносили к лицу, чтобы понять идет Лисе цвет или нет, и развернутые они холодили и без того покрытое мурашками тело.

Парадом командовала тетушка Эдита. Она короткими словами одобряла или просила убрать непонравившуюся ткань:

– Да. Нет. Нет. Да. Возможно.

Алисия не успевала присмотреться или даже пощупать материал, а ее укутывали уже в новое полотно.

– Бархат – определенно нет. Он взростит. Шерсть только светлых оттенков.

И опять бесконечное «да, да, нет».

Щелкнула крышечка часов, тетушка Эдита посмотрела на отложенные ткани, получившие от нее одобрение, на затягивающую пояс халата племянницу и, кивнув головой замершей у двери служанки, скомандовала:

– Впустите моего дорогого Ружера!

Портникам во главе с мадам Зофией пришлось поторопиться, чтобы расчистить поле для нового игрока: то, что заслужило строгого «нет» Эдиты, быстро упаковывалось и выносилось из помещения.

Появившийся человек был настолько мал ростом, что Алисия уставилась на него с открытым ртом. Следом за ним занесли два огромных кофра.

Тетушка распростерла объятия и, наклонившись, расцеловалась с вновь прибывшим.

– Где объект? – деловито спросил он и безошибочно выделил Лису: никто, кроме нее, не таранился на низкорослого, но весьма модно одетого мужчину. Его черные усы были пострижены как по линейке, а волосы блестели и были зачесаны так гладко, что Алисия не удивилась бы, если бы увидела в них свое отражение.

Коротыш обошел смущающуюся Лису по кругу, непонятно почему осматривая ее всю, а не только ноги, которые уже заledenели.

– Чтобы сшить великолепную обувь и примерить ее на ножку красивой женщины, вовсе не надо быть высокого роста, не правда ли, леди Виру?

Лиса не нашлась, что ответить, поэтому просто кивнула.

– А теперь, – коротышка повернулся на каблуках к сидящей на диване Зофии, – прошу показать, какую ткань вы выбрали для нашей прелестной клиентки.

Помощницы модистки сноровисто разложили на ковре образцы, а Ружер, повернувшись к своим кофрам, словно фокусник, взмахнул рукой и принялся открывать многочисленные замки. Распахнувшиеся, будто ставни на окнах, половинки объемных коробов, куда легко поместился бы сам хозяин, явили зрителям ряды женской обуви.

В задумчивости побродив у разложенных отрезков, коротыш вернулся к своим кофрам и, выбирая одну пару за другой, относил их к нужному куску. Туфли, сапожки, ботиночки – и все до того изящные, пошитые из тончайшей кожи, шелка или бархата, они как нельзя лучше подыгрывали цвету и фактуре ткани.

Алисия никак не могла поверить, что всю эту кутерьму затеяли только ради нее.

– Дядюшка очень добр, – произнесла она, когда последним дом покинули шляпник. – Мне неловко, что вы так сильно тратитесь.

– А разве я тебе не сказала, что одежду, туфли и всякие мелочи оплачивает твой жених?
– Хранитель? – переспросила Лиса и покраснела. Дурочка, будто у нее есть иной жених. Но тетушка, которая явно к концу дня растратила весь пыл, не стала закатывать глаза, а просто ответила:

– Да, и он весьма щедр.

– Тетушка, а что вы знаете о Хранителе? Встречались ли какие-нибудь ваши знакомые с ним? Что говорят? Какой он?

Эдита рухнула на диван и скинула с себя узкие туфельки.

– Ты же знаешь, я только что вернулась от дочерей. Как и всякие женщины, узнав, кто к тебе посватался, мы не могли не обсудить кандидатуру в мужа.

– И что вы услышали? – Алисия села рядом. Сердце пустилось вскачь: сейчас она узнает всю правду о Хранителе.

– Хоть что-то определенное о Хранителе смогла рассказать лишь свекровь Диты, – Алисия знала, что так зовут ее кузину – старшую дочь дяди. – Леди Рута встречала его на балу, когда ей было всего семнадцать лет. Он уже тогда был седой.

– А сколько лет свекрови Диты?

– Семьдесят.

Все впечатление о сегодняшнем дне после таких слов померкло. Древний старик, щедрый к своей молоденькой невесте – вот как это смотрелось со стороны.

– Старый и некрасивый...

– А вот этого леди Рута не сказала, – Эдита успокаивающе похлопала Алисию по руке, – поскольку лица его никто не видел.

– Как это? – Лиса нахмурилась, не понимая. Как можно быть на балу и не показать своего лица?

– Он пришел в маске и ушел в ней. Бал-карнавал, понимаешь?

– А как вообще узнали, что этот мужчина и есть Хранитель?

– Его так называл король. Но вот что поразительно, – тетушка наклонилась ближе и шепотом произнесла, – вальсировал Хранитель вполне умело. Леди Рута даже засомневалась, так ли он стар. Согласись, милочка, белые волосы – вовсе не обязательно признак старости. Особенно у северян.

– Но меня, тетушка, это мало утешает. Даже если Хранитель тогда был молод, сколько же ему теперь, спустя пятьдесят лет?

– М-да, – Эдита откинулась на спинку дивана и запустила руку в волосы, поправляя шпильки. – Теперь-то уж точно вальсировать не возьмется. А впрочем, кто их, магов, знает...

– У меня есть четыре года, – Лиса не заметила, что произнесла не раз повторяемую фразу вслух. В последнее время ее жизнь менялась с такой скоростью, что трудно угадать, на какой срок можно рассчитывать на самом деле.

– Сколько бы ни выпало, потрать их, милая, с толком. Живи, веселись, флиртуй. Познай пыл юных мальчиков. Еще успеешь завянуть рядом со стариком.

– Эдиточка, – в дверь сунул нос дядя Хенрич, – ты сегодня как пчелка, но совсем забыла обо мне.

– Иду, Пусик, иду!

Алисия отказалась выходить к ужину, сославшись на усталость. На самом деле она сидела, уставившись в окно, за которым опять кружил снег, и размышляла о севере, о Хранителе и о словах Стефана, предложившего выбор: потратить жизнь на старика или найти ключи от Белых врат и повернуть время вспять.

«Интересно, а я буду сожалеть о своем поступке? – Лиса поковыряла пальцем снежный узор, кружевом расплзшийся по углам окна. – Лучше бы не помнить, чтобы не мучиться угрызениями совести».

Алисия представила, как крадется в ночи со связкой ключей, передает их братьям, а те открывают Белые врата.

– Хранитель, наверное, рассердится, – вздохнула она.

Ела в одиночестве, не чувствуя вкуса еды. Умывшись, забралась в постель и, натянув одеяло до носа, произнесла вслух самый веский аргумент, оправдывающий ее неблаговидный поступок по отношению к человеку, который так к ней добр и щедр:

– Юлек не ослепнет.

Глава 5. Кого ценит Хранитель

Провожали леди Виру в пансион всем семейством. По такому случаю съехались ее двоюродные сестры с мужьями и многочисленными детьми. Всем хотелось посмотреть на невесту Хранителя, а прежде всего, на него самого. Но в конце прощального вечера большинство разодетых дам испытало разочарование: хотя жениху заранее соколиной почтой отправили приглашение, он явиться не изволил.

К величайшему облегчению Алисии.

– Нет, ну в самом деле! – возмущалась тетушка, в последний раз перед отправкой инспектируя сундуки, в которые уложили Лисины обновки. – Негоже прятаться от тех, кто вскоре делается родственниками. И потом, мне хотелось получить одобрение за свои труды. Снарядить девочку в двухнедельный срок сродни подвигу. Нет, я понимаю, если бы требовалось одеть ее кое-как, я же расстаралась, организовала все наилучшим образом. Столько сил, столько нервов!

– Милая, Хранитель знал, кому довериться.

– Ах, Пусик, только ты меня ценишь! Ханна! – Эдита нервно обернулась на служанку, возящуюся со шляпной картонкой – та никак не хотела закрываться: то перо вываливалось наружу, то лента. – Неужели никто не слышит, что в дверь стучат? Где все?

– Малгуса и Вада повели барышень с детьми в конюшни: туда сегодня пригнали аруйских жеребцов. Кавела и Сига вы еще с утра на ярмарку за провизией отправили. Данута возится с тестом, да и не ее это дело до двери ходить. А у садовника выходной, он, наверное, в своем сарайчике пьяный спит, – Ханна монотонно перечисляла, кто из слуг куда делся, не замечая, что Эдита ее прожигает взглядом.

– Что, мне самой теперь двери открывать, раз все такие заняты?

Ханна, наконец, заметила недовольство госпожи, бросила картонку, из которой тут же вывалилась шляпка, и скрылась за дверью.

– Пусик, распустил ты слуг, пока я была занята Алисией!

Дядя вытаращил глаза и густо покраснел, но предусмотрительно смолчал. Он попытался выбраться из подушек, коими обложился, сидя на диване, но ни с первого, ни со второго раза не справился. Он барахтался в шелковых думочках и еще больше багровел.

Лиса прикрыла рот ладошкой, чтобы не заметили ее улыбку. Настроение ей теперь ничто не испортит. Хватит того, что вчера издергалась в ожидании Хранителя, но слава Великому, жених не пришел. Остался от силы час, и она отправится в новую жизнь, где не будет пригорелых каш, тесного платья и сношенной обуви. Кузины за ужином рассказали про королевский пансион – сами провели в нем четыре года

– Да что за упорный дятел? Стучит и стучит! – Хенрич в сердцах расшвырял подушки.

– Велено вам передать, – в комнату влетела Ханна. В ее руке находилась небольшая коробка с вложенной под бант карточкой.

– Мне? – тетушка недоверчиво повертела протянутый сверток, похожий по размеру на шкатулку, обернутую серебряной бумагой.

– Посыльный так и сказал: «Велено передать леди Эдите Пилли».

– Кем велено? – тетушка, развязав бант, извлекла атласную карточку, на которой не было ни слова. – Что это? Шутка какая-то? – она в недоумении повертела визитку, но с той вдруг посыпались снежинки.

Дядя через плечо Эдиты заглянул в дрожащую в пальцах супруги записку. Снежинки, слетая одна за другой, обнажили витиеватую надпись, прячущуюся под ними.

«Благодарю за помощь. Хранитель», – вслух прочел дядя.

– Боже, как мило! – тетя глупо улыбалась, забыв о посылке, которую вытащил из ее рук Хенрич. – Я совсем запамятовала, что Хранитель маг.

Только Лиса открыла рот, чтобы расспросить, что за маг ее жених, поскольку о многих из владеющих магией ходили страшные истории, вмешался дядя Хенрич.

– Смотри, Эдита, – замороженно произнес он. В шкатулочке на бархатной подстилке лежали серьги из зеленых камней, которые как нельзя лучше подходили к огненным волосам миниатюрной женщины.

– О, Хенрич! Это же изумруды! Надо бы показать подарок Хранителя моим девочкам! – тетя взяла коробку и заторопилась к выходу. Уже у двери обернулась на Алисию: – Забудь все, что я тебе говорила. Никакого флирта, никакого пыла с безусыми юнцами! Для такого мужа стоит себя поберечь.

– Ну что ты, точно медведь-шатун, ходишь из одной комнаты в другую? – на меховом врате Вайги висели бусины растаявших снежинок. Хранитель, только что затворивший за собой дверь, растерянно хлопал глазами, привыкая к яркому свету лампы в ее руках. – Совсем одичал!

– Память тревожит, – произнес он и, пряча ключи в карман, зашел за спину ведьмы, чтобы помочь снять шубу. – Ты почему не разделась внизу?

– Так нет никого, даже наружной охраны. Попрятались, должно быть. Да и какой дурак, кроме меня, высунет нос из дома в такой день? – Вайга тряхнула головой, расправляя примятые огромным воротом волосы. На них так же, как жемчуг, нанизанный на нити, блестели капельки воды. – Ты когда в последний раз спускался? На дворе такая вьюга! Чудо, что я вообще не сбилась с пути.

– Выходит, Винд вернулся? – Хранитель поспешил вниз, бросив шубу Вайги появившемуся слуге. Распахнув двери и шагнув за порог, загородил локтем лицо – сильный ветер бил мелкими снежинками, которые резали как стекло. Волосы взметнулись и стеганули по плечам, будто пойманная за крыло птица.

– Так вот в чем дело! – Вайга пряталась за широкой спиной Хранителя. Ей приходилось кричать, чтобы перебить вой ветра. – Я-то думаю, откуда вьюга? Еще час назад ничего не предвещало! А, оказывается, Винд нерастратченную силу сбрасывает! Надолго уходил-то?

– На полмесяца, – Свеярид развернулся и, подпихнув ведьму, переступил порог. Дверь с ревом захлопнулась. Огромный светильник, висящий по центру круглого холла, ответил перезвоном хрустальных подвесок.

– А! Ну, значит, пару дней еще пометет! А куда посылал-то? – Вайга семенила, подстраиваясь под широкий шаг Хранителя. Тот вошел в просторную кухню с добела выскобленным столом, снял с очага, предварительно обмотав руку полотенцем, большой котел.

– А ты сама посмотри, – бухнув его на стол, забрался на скамью, показывая тем, что ведьма должна сесть напротив.

– Так и знала, что ворожить заставишь, – она извлекла из кармана мешочек с сосновыми иголками и кусочками янтарной смолы, из другого еловую шишку. Бросив все в кипяток, понаблюдала, как распаренная шишка раскрывается, как меняются запахи на кухне: только что витал аромат жаренного с розмарином мяса, что сейчас «отдыхало» на огромном блюде, накрытое чистой тряпицей, и вдруг остро запахло лесом, морозной свежестью. Старуха проковыляла к окну, с трудом сняла огромный крюк и с еще большим напряжением распахнула створки – ветер тужился захлопнуть их назад. Собрав с подоконника снег, ведьма слепила плотный снежок и поспешила к котлу, оставив окно на волю вьюги – та застучала крюком, требуя ее впустить в дом, где прыгало в очаге ненавистное пламя. Снежок, сопровождаемый быстрым шепотом, в котором слова сливались в единый звук, не оставляя места паузе, в котле

не растаял, а тонкой ледяной корочкой заволок всю поверхность только что исходящей паром воды.

Ведьма, вооружившись деревянной ложкой, разбила корочку и, помешивая, заставила лед встать дыбом. Вскоре в его очертаниях появились узнаваемые здания.

– Ух ты ж! Королевский дворец! – восхитилась ведьма.

– Верти, верти дальше!

Ложка разбила прозрачный дворец, и на его месте выросло другое здание: о два крыла полукругом, с веерной лестницей, с кованной оградой, опоясывающей застывшие корявыми льдинками дерева и пруд с лебедями.

– Никак твоя зазноба перебралась в королевский пансион? Проторенными дорожками ходишь? – Вайга пытливо посмотрела на Хранителя.

Тот оторвал довольный взгляд от ледяного строения, где остроконечные шпили уже начали подтаивать. Горящее в очаге пламя хоть и трепетало под напором пробующего пролезть в трубу ветра, со своим предназначением справлялось. На кухне среди высоких шкафов, где поблескивала чистотой посуда, а в горшках росли анис да розмарин, было тепло и уютно. Хранитель любил здесь засиживаться, думать о будущем и о былом, отхлебывая из чашки чай, размешанный для большей пахучести с каплей меда.

– Так всем проще: и мне, и ей. Я возвращаю ей все то, чего она была по вине братьев лишена: теплый дом, девичьи радости, подруг, – Хранитель поводил пальцем по лужице, растекающейся по столу. Ведьма почувствовала, что Ярид хочет что-то сказать, но не решается. Помолчала, давая ему возможность оборвать затянувшуюся паузу. – Вайга, знаешь, а я видел ее. Вот так же близко как тебя.

– Да ну! Все-таки не утерпел! Не напугал девчонку?

– Она и не догадывалась, что я был рядом. Кинула в меня огрызком яблока, – против воли его губы растянулись в улыбке. – Смышленная, подвижная.

– Красивая?

– Красивая. Но ты же знаешь, я за этим не гонюсь. Алисией зовут, – произнес и прислушался к звуку имени. Повторил еще раз. – Алисия.

– Так вот куда Винд мотался!

– Сейчас выпустит «пар» и придет для отчета.

– Если уж в замок Виру ездил, то не скоро «пар» выпустит. Считаю, денька три бесноваться будет.

– Я подожду. Торопиться некуда, – Хранитель тряхнул головой, собрал волосы под черную ленту и закинул за спину.

Вайга в задумчивости рассматривала его.

– Я вижу, на твоих висках седины гораздо меньше стало. И суровая складка меж бровей разгладилась.

Хранитель сдержанно улыбнулся. Он и сам заметил, что с рук исчезла мелкая сеточка морщин.

– Хоть бы поделился своим умением, – с упреком произнесла Вайга. – Вот умру я по дряхлости, как тогда жену искать будешь?

– А ты влюбляйся каждый раз заново, – глаза у Свейрида блестели. – Любовь и не такое чудо сотворит.

– Сам знаешь, мы ведьмы такие: полюбивши раз, другой любви не ждем.

– Не того ты, Вайга, выбрала.

– Знаю, что не того, но сердцу не прикажешь, – вздохнула и глаза опустила. Совсем как в молодости. Но тогда на лице пылал румянец, а сейчас... сейчас там глубокие морщины и кожа цвета пригретой солнцем земли.

– Прости.

– Нет в том твоей вины, – ведьма засуетилась. Огляделась в поисках своей шубы. Слуга, будто почувствовал, вырос у двери.

– Останься. Боюсь, на самом деле заплутаешь.

– С тобой в одном доме? Ну уж нет. Еще здесь я слезами подушку не мочила, – последнее произнесла тихо, себе под нос.

Вот вроде и привыкла, что не смотрит на нее как на женщину, а всякий раз обидно. Ей бы уйти вместе с Фростом, ведь звал и не раз, а она уперлась. Молодая была, горячая. Все не верила, что не сможет в себя Хранителя влюбить. Не влюбила, как ни билась, но все равно не ушла. Сначала оправдания себе искала, мол, рядом с Хранителем старость нескоро наступит, а она как-то неожиданно нагринула. Конечно, не через полсотни лет как у людей, а гораздо позже. С вечера засыпала, чувствуя в себе женский огонек, а, проснувшись, поняла, что тот потух. К зеркалу подойти боялась. Возненавидела свое отражение, плакала. На глаза Свеяриду долго не показывалась, избегала встреч, а как случайно столкнулись, он и не заметил, что Вайга уже старуха. Видать, и прежде не особо в лицо смотрел. И что теперь? Ни красоты, ни сил, ни надежды.

– Рис, подай и мою шубу. Провожу. Заодно на обратном пути к Винду загляну.

Вайга усмехнулась. Не терпится Хранителю разузнать о своей Алисии. И боль острой иглой толкнулась в сердце. Ревность. Уж сколько раз душила ее в себе, а все живет.

Глава 6. Перед зимним балом

Два года в пансионе пролетели как один день. Все было внове, все волновало. Поначалу Алисия дичилась: и манерами нужными не обзавелась, и двигаться правильно не умела. Благо, хоть читала без запинки и писала без ошибок. «Врожденная грамотность» – так высказался преподаватель словесности, хваля за большую любовь к книгам и ругая за то, что читала не ту литературу, которая развивает хороший вкус.

Но все оказалось поправимо.

Если до приезда Алисии Виру в пансионе жили лишь девочки из дворянских семей, то вскоре после ее появления в королевское учебное заведение прибыли «дочери народа», понятия не имеющие, как правильно говорить, не умеющие есть вилками и вовсе не читающие даже неправильную литературу. На их фоне Лиса была уже не столь ужасна, и насмешки от «истинных леди» прекратились.

Возмущенные появлением в элитном учреждении «дворянжек» преподаватели и воспитанницы быстро уgomонились, стоило вмешаться королю. Он объявил, что насильно никого не держит, ропшущие должны смириться – королевство берет курс на обновление крови. Уж слишком часто у высших дворян появлялись дети с врожденными болезнями, причина которых крылась в близкородственных браках. Чтобы служить примером, Эмерик Второй удочерил двух сестер, осиротевших после пожара в купеческих рядах, присвоил им титул принцесс и посулил выдать замуж в самые благородные семьи, если не своей страны, то соседних. Приданое обещалось быть грандиозным.

Протестующие сразу прикусили язычки. Кто отважится пойти против короля? Фырканье на новонареченных «дворянок» строго пресекалось, а известие, что содержание дочерей народа оплачивает сам Хранитель, и вовсе примирило с их существованием. Спрягали глаголы, осваивали арифметику и танцевали плечом к плечу как обладательницы голубой крови, так и простые горожанки. Все вместе, шаг за шагом, юные леди королевского пансиона приобретали лоск.

Алисия невольно прислушивалась, если речь заходила о загадочном благодетеле. Живущая с ней в одной комнате девушка однажды открылась, что ее отец все еще надеется породниться с северным князем, который никак не определится с выбором жены.

– Поговаривают даже, что ею непременно будет одна из воспитанниц королевского пансиона!

Эти откровения заставили Лису не выдавать, коль уж сам Хранитель молчит, факта их обручения. Да и вообще, что есть обручение? Если слушать рассуждения подруг, то у Алисии Виру все было неправильно: ни знакомства с женихом, ни помолвочного кольца на пальце. Подписаны какие-то бумаги и только. И вообще, нет даже намек на произошедшее предложение руки и сердца. Впору усомниться, что жених вообще существует.

Стоило признать, молчание Хранителя волновало и заставляло мыслями вновь и вновь возвращаться к нему. Когда они увидятся? Как себя вести при этом? Лиса каждый раз замирала, когда в просторную залу, куда собирались воспитанницы в день посещений, заглядывала дежурная и называла фамилии тех, к кому пришли.

– Алисия Виру? – тут непременно нужно было подняться, чем бы ты не занималась: музицировала, читала стихи или пробовала себя в рисовании. Таков был порядок. Дежурные не должны бегать по этажам и выискивать воспитанниц, родственники которых изволили посетить своих чад. – К тебе тетушка.

Алисия выдыхала и спешила к Эдите. В теплую погоду они прогуливались в парке вокруг чудесного пруда, в котором жили лебеди, в ненастье спешили укрыться в кофейне или зимнем саду.

Но как же Лиса боялась, что в один из родительских дней, а таковые случались раз в месяц, в пансионе объявится жених!

– Алисия Виру? К тебе дедушка.

В этот момент она сгорела бы от стыда.

Но странное дело, после того, как Хранитель два года не давал о себе знать, ей сделалось даже обидно: что она за невеста, если о ней не вспоминают?

Хотя, нужно быть честной, подарки продолжали сыпаться. Что есть, то есть. Вот и накануне первого в жизни Алисии бала из дома дяди доставили коробку с платьем, туфельками и списком поучений, написанных собственноручно тетушкой Эдитой – чего юной леди ни в коем случае нельзя делать, если какой-нибудь выученик пажеского корпуса вскрыжит ей голову.

«А, может, Хранитель передумал? Ведь тетушка лишь раз обмолвилась, что вещи оплачены им, а после ни звука. А что? Леди и лорд Пилли люди тактичные, могли просто скрыть, что у жениха планы в отношении меня поменялись. Учится, присмотрена – и то хорошо! Дядюшка знаменитый конезаводчик, его жеребцы не раз брали призы, дела идут в гору, и что ему стоило купить любимой племяшке бальное платье?»

– Девочки, вы, случайно, не знаете, Хранитель уже женился?

– Если бы он женился, мы даже здесь бы слышали, как воет мой отец, – Мажанна, дочь главного поставщика вин для королевского двора, печально улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Почему ему так важно породниться с северным князем?

– Он ругает себя за то, что не уберег виноградники на террасах Саймарии – их погубил внезапно грянувший мороз. А вновь посаженные и близко не дают того букета, что так нравился королю. Его Величество уже не раз выражал сожаление, – Мажа распустила волосы, тряхнула головой и потянула за локон, спиралькой упавший на лоб. – Если бы Хранитель женился на мне или моей старшей сестре, папа по-родственному договорился бы повернуть время вспять. Ему нужна всего лишь одна ночь, когда следовало жечь костры, а не надеяться на Высшего.

Мажанна через зеркало посмотрела на подруг.

– Вы, наверное, думаете, боже, какую она несет чушь? Ради каких-то виноградников жертвовать собой? Во-первых, никто не видел Хранителя и не может описать, как он выглядит. А вдруг он отменный красавчик? Ведь маги живут долго, очень долго. Во-вторых, вы сами должны были почувствовать – северный князь широкой души человек. Только за это его уже можно уважать. Ну и в-третьих, я за своего отца готова жизнь отдать, не то что руку и сердце. Я просто не могу смотреть, как он мучается. Десять лет прошло, а папа переживает так, будто виноградники погибли вчера...

– Я подозреваю, мы закончим учебу, но так и не увидим Хранителя, – вторая соседка по комнате – Ивона, оторвалась от учебника истории. – За два года ни разу не появился.

– А я думаю, он не преминет показаться на этом зимнем балу, – потупив взор, чтобы подруги не заметили волнения, произнесла Алисия. Она вертела в руках письмо от Юлека. Как всегда, ничего не значащие фразы: «Живем хорошо, не волнуйся, от Уршулы привет», а буквы все больше кривятся, и строки ползут вниз.

– И мы, конечно же, так и не узнаем, кто из присутствующих на балу Хранитель, – Мажанна с ненавистью дернула гребнем кудри. Она не понимала своего счастья – другие девочки мечтали о красивых локонах, из-за чего приходилось спать с накрученными волосами, а эта грезилась о гладких прядях. – Маска надежно скроет его лицо.

– О, если бы одна из нас знала хоть какую-нибудь приметку Хранителя, по которой его можно вычислить! – Ивона отодвинула книгу – разговор о таинственном князе и предстоящем бале куда интереснее захватнических войн на рассвете цивилизации. – Например, он приво-

лакивает ногу, из-за чего опирается на трость. И трость непременно с набалдашником в виде головы северного волка с оскалившейся пастью...

– Бедняжечка, – пожалела хромого Хранителя Мажанна, – как же он будет вальсировать?

– Я знаю одну приметку, – вызвалась вдруг Алисия. – Вернее, слышала, что говорила о нем леди Рута, свекровь моей кузины. – У него седые волосы.

– Точно! Волосы никуда не спрячешь, – Мажа бросила гребень и в возбуждении заходила по комнате. – А давайте разглядывать всех, кто попытается скрыть их под шляпой или капюшоном. Надеюсь, на балу для молодых девушек седых окажется не так много?

– И что ты сделаешь, когда обнаружишь старика? – непонятное чувство собственности шевельнулось в груди Алисии.

Мажанна растерялась, даже остановила свой бег по комнате.

– Ну, вам покажу, чтобы потом обсудить, стоит выходить за него замуж или нет.

– А я переживаю за танцы. Как бы самой кого-нибудь не изувечить, – Ивона отличалась кукольной красотой – глаза на пол-лица и маленький ротик, но до чего же нескладны были ее движения! Будто не она управляла своим телом, а кто-то свыше дергал за веревочки. «Наша деревянная красотка», – шутя называла ее мадам Фло – учительница бальных танцев. – Придут королевские пажы, начнут приглашать, а я, будто увалень какой, отдавлю все ноги.

Алисия, вспомнив, что по традиции на зимний бал (куда еще в прошлом году им, пятнадцатилетним, был заказан вход) приглашают воспитанников пажеского корпуса, застыла. Она видела их из окна – белозубых, подтянутых, в одинаковой парадной форме. Даже слово «пажи» произносилось старшими девочками с определенным придыханием и мягким звуком «ж-ж-ж». Все юноши, в отличие от королевского девичьего пансиона, где теперь обучались и горожанки, были из дворянских семей, а значит, могли составить в будущем отличную партию. Вот почему так переживала Ивона – она мечтала о молодых и красивых пажах, а не о хромых старцах.

«Паж-ж-жах... ах...»

Хранитель за разговорами о пажах был забыт. Подруги повытаскивали из шкафов приготовленные для волнительного события наряды, разбросали по комнате ленты, кружевные маски, веера. Одеваться не стали, просто прижали к себе платья и покружились, представляя, что уже танцуют с воспитанниками военного корпуса. Шептались до полуночи, делясь милыми девичьими секретами, коих накопилось не так уж и много. Настоящая жизнь только начиналась, и ее предвкушение кружило голову.

Глава 7. Таинственный незнакомец

– Ой, девочки, я так волнуюсь, – Мажанна теребила книжку для танцев, болтающуюся у нее на запястье. – А вдруг меня никто не пригласит?

– С чего бы это? – Ивона по-деловому осмотрела подругу, расправила кружевной воротник, словно паутинка прикрывающий ее обнаженные плечи. Мажа собрала волосы в высокую прическу, постаралась зализать их, но непокорные кудряшки все равно рвались на свободу, и эта небрежность делала девушку особенно милой. – Ты хороша как никогда.

– Ой, спасибо! – блестящий взгляд Мажанны скользил по залу, где уже собрались воспитанники пажеского корпуса. Он заняли стратегические места меж колонн, оставляя центральную часть сказочно-нарядной залы открытой, и вступавшим в помещение ученицам пансиона невольно приходилось кружить вокруг огромной елки – главной достопримечательности новогоднего маскарада. – Вы тоже очень-очень...

Мажа не договорила, встретившись взглядом с одним из пажей. Ее лицо пошло пятнами, когда тот поднял руку, затянутую в белую перчатку, и игриво помахал ей.

– Она уже забыла о Хранителе, – Ив толкнула Алисию плечом. – Не видать ее папочке виноградики.

Лиса трудно сглотнула. Во рту от волнения пересохло, а в голове стоял гул из голосов, шарканья ног и шелеста множества серебристых лент, что свисали с потолка и, поддавшись легкому сквозняку, волновались, будто водоросли в воде. Ивона что-то еще говорила, подначивая Мажанну, но Алисия ничего не слышала. Она, с тех пор как очутилась в зале, искала глазами старика и только что нашла такового – весь в черном, несмотря на праздничное событие, он стоял у окна. Маска ворона с огромным клювом не могла скрыть блестящие белые волосы, лежащие на его плечах. Высокий, подтянутый, с гордой посадкой головы, он тоже не отрывал взгляда от Лисы, а когда она запнулась, наступив на краешек платья, улыбнулся и поднял вверх узкий бокал с игристым вином.

– Распрямись! – Ивона легонько стукнула веером по спине Алисии. – Чего вся скукожилась? Не хватало еще, чтобы ты растянулась посреди залы.

– Не привыкла ходить на каблуках, – Лиса была рада, что подруга ее отвлекла, и их разговор выглядел естественным: ей не хотелось мило щебетать о пустяках и поглядывать через веер на пажей. Неестественный смех, жеманные позы невыгодно отличали впервые допущенных до бала учениц от остальных. Наверняка завтра мадам Хобс сделает выговор, что юные леди не усвоили уроков манер и вели себя как торговки на ярмарке.

– Так почему же ты не надела другие, более удобные?

– Тогда платье волочилось бы по полу, – Лиса двумя пальцами подхватила ткань и слегка приподняла – расшитая бисером кайма на подоле заиграла яркими красками – такую действительно не подошьешь, иначе испортишь всю затею вышивальщицы. – Тетушка нарочно так сделала. «Пора привыкать к каблукам. Ты больше не девчонка, лазающая по развалинам».

– Сейчас, конечно, не время о том говорить, но почему твой дядя, раз уж он такой богатый, что мог позволить заказать платье у королевской швеи, не помогал вам раньше? – Ивона знала историю семьи Виру. Да и кто не знал? Пусть прадед Лисы сидел на троне всего лишь год, после чего был низвергнут подростком наследником истинного короля, но имя Гордона Виру навсегда вписалось в историю Эварты.

– Братья сначала не знали, а потом скрывали истинное положение дел, надеясь вернуть наши вложения. А когда все открылось, дядя первым приехал к нам и даже дал денег, но...

– Все понятно, – Ивона, видя смущение подруги, не стала ее мучить. – Дядины деньги тоже были пущены по ветру.

– И не раз. В конце концов ему надоело. Он предложил братьям работу, но как принцам крови мараить свои руки? «Коневодство? Фи...». Юлек согласился бы, я знаю, но старшие братья не отпустили бы его, иначе потеряли бы оправдательный мотив. Одному принцу, значит, можно «кобылам хвосты крутить», а другим нет?

– Ох, боюсь, следующий их прожект – это ты. Они благополучно переберутся с шеи дяди на шею твоего мужа.

Лиса боялась поднять глаза, чтобы подруга не прочла в них, что прожект уже в действии. Из неловкой ситуации выручила грянувшая музыка.

– Кавалер-р-ры приглашают дам! – рявкнул на всю залу устроитель бала. Алисия поправила маску. Вот ведь не хотела плакать, а слезы все равно навернулись. Хорошо, что кружево на пол-лица и оставляет открытым только губы, иначе все увидели бы, как у Лисы покраснел нос. В минуты расстройств он всегда выдавал хозяйку. И этот мужчина с бокалом подозрительно зашевелился – поставил его на подоконник и одернул длиннополый жилет, расшитый темными драгоценными камнями.

Алисия не успела оглянуться, как ее подруги были расхвачены. Ивона скорчила лицо, попав в объятия здоровяка, ниже которого была чуть ли не на две головы, но Лиса была бы рада и такому, лишь бы не танцевать с приближающимся к ней «вороном».

– Разрешите? – рука с длинными пальцами, унизанными черными же перстнями – вот, что увидела Алисия, страшаясь поднять глаза на приглашающего. Он повел легко, а она только и смотрела на блестящую головку булавки, скрепляющую ворот мужчины.

– Алисия Виру? – произнес он, слегка наклонившись к уху партнерши. – Вы хорошо танцуете.

– Вы тоже, – пролепетала она, нисколько не кривя душой. Сейчас Лиса была почти уверена, что находится в руках Хранителя. Кто еще мог знать, что под маской прячется именно леди Виру?

– Я уже слышан о вашей красоте, – волосы наклонившегося мужчины скользили по ее обнаженным плечам, – и предвкушаю, какой ослепительной красавицей вы станете через два года.

«Точно он! Намекает, что впереди всего лишь два года, и я сделаюсь его женой», – если бы не перчатки, Ворон непременно почувствовал бы, как покрылись испариной ее ладони.

– Вы так мило смущаетесь. Эх, если бы не мои обязательства...

«Это он сожалеет о том, что дал дяде Хенричу обещание не трогать меня, пока я сама не приду к нему в постель?»

Музыка стихла, кавалер галантно поклонился и прикоснулся губами к кончикам пальцев Алисии, потом препроводил к колонне, возле которой обмахивались веерами довольная Мажанна и раздосадованная Ивона.

– Хорошо, что с одним партнером можно танцевать не больше трех танцев, – ворчала Ив, зло поглядывая на веселящихся пажей. Взрыв смеха заставил ее веер трепетать еще яростнее. – Иначе этот увалень отдал бы мне все ноги.

– А кто-то переживал, что сама покалечит рискнувшего пригласить ее мужчину, – Мажа стреляла глазками, вычисляя, кто из поглядывающих в их сторону пажей пригласит ее на следующий тур.

– Я оказалась не такой уж безнадежной, – ротик Ивоны капризно скривился, – и сказала ему, что все танцы, кроме последнего заняты. Так он не отступил. Записался. Пришлось поворачиваться спиной, чтобы этот Великанище не заметил пустых строк в моей книжке. Теперь я буду вынуждена танцевать с кем попало, лишь бы не подпирает колонну. Злось не могу!

– Поздравляю, милые! – учительница танцев, леди Фло, в полупрозрачном наряде бабочки, с двумя пышными перьями, воткнутыми в прическу, что еще больше делало ее схо-

жей с летающей прелестницей, впорхнула в их уголок. Ее лицо светилось от счастья. – Первый же танец и такой успех!

– О! – Ивона не на шутку удивилась. – Даже не верится: вы хвалите наше умение? Печать позора «деревянная красотка» с меня снята?

– Ну, относительно тех телодвижений, что ты пыталась изобразить в паре со своим кавалером, трудно назвать танцами, – Фло сморщила носик. – А поздравляю я вас сосем с иным событием: двое из вас танцевали с первыми лицами королевства.

У Мажанны загорелись глаза. Вот не зря она записала за понравившемся ей пажом сразу три танца!

– Неужели наследник? – выдохнула она, заглядывая в книжицу, где красовалось нескромное имя «Герой». Что ж, королевским отпрыском такая напыщенность дозволена.

– Маскарад на то и маскарад, что под маской может скрываться кто угодно, – перья на голове учительницы качнулись. – Раз сами не догадались, а ваши кавалеры не изволили проговориться, то и я смолчу...

– Леди Фло, – Мажа просительно сложила ладошки, – ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

– Я догадалась, – лицо Алисии загорелось. Пришлось прижать к щекам ладони, что мало помогло. – Я танцевала с самим Хранителем.

Даже под маской, закрывающей пол-лица, было заметно, как взлетели брови леди Фло. Рты девочек в удивлении открылись.

– Откуда такие умозаключения? – нервно хихикнула учительница.

– Ну, вы же сами сказали – первые лица королевства, а Хранитель разве к ним не относится?

– Относится, – перья опять пришли в движение. – Но к ним относится, по крайней мере, еще полсотни человек. Только у королевской четы только три сына и две приемные дочери.

– Но я же танцевала со стариком, а всем известно, как стар Хранитель.

– Ну, – леди Фло подняла глаза к потолку, – из этой полсотни половину точно не назовешь молодыми. Хотя королева, услышь она нас, наверняка обиделась бы...

– Простите, я не поняла, – Мажанна перетянула внимание леди Фло на себя. – Так это я танцевала с сыном короля или Ивона?

– Все- все! Больше ни слова! Я улетаю к другому цветнику!

Грянула музыка.

– Ой, девочки! К нам идут сразу три пажа! – Мажа спрятала лицо за веером. – Ивона, твой здоровяк определенно восхищен тобой. А где же мой принц?

Лиса, прежде чем ответить на приветствие юношей, посмотрела туда, где совсем недавно подпирал подоконник Ворон, но нашла лишь одиноко стоящий бокал, да и тот вскоре забрал слуга.

– Почему вы вертите головой? – в прорези маски блестели глаза. Над верхней губой заметно топорщился пушок. Пригласивший Лису паж был немногим старше ее. – Кого-то ищите?

– Да, – она рассеянно кивнула. – Вы не видели, куда делся мужчина в маске ворона? У него длинные белые волосы...

– Вы предпочитаете убеленных сединами? – в голосе пажа любопытство смешивалось с ревностью.

– Ах, нет, что вы! Просто хотелось бы разгадать, кто он на самом деле.

– Я думаю, кто-то из наших преподавателей. С нами приехали по крайней мере пятеро из тех, кто подходит под ваше описание.

– О, так вы тоже находитесь под присмотром?

– Нет, – его горячее дыхание у уха едва не заставило передернуть плечами, – это вы находитесь под присмотром. Наши мундиры заставляют трепетать ваши сердца, а там и до глупостей недалеко...

«О, боже! Самонадеянный юнец!» – впервые Лиса оценила, какая пропасть разделяет умудренного жизнью мужчину и безусого мальчишку, который еще не научился правилам общения.

– Ну и как она тебе? – Хранитель сидел в кресле и попивал вино. Початая бутылка тускло светила толстым стеклом.

Ворон снял маску, потрянул головой, расправляя волосы. Потянулся за фужером, который наполнил Хранитель.

– Я тебе завидую, – ответил седовласый. – Каждый раз влюбляться заново.

– Не завидуй. Вспомни, сколько раз я стоял у могильной плиты.

– Прости, друг.

– Ваше Величество, – в комнату зашел советник, аккуратно притворил за собой дверь. – Время. Посол Вейжурии уже выехал из своего поместья.

Король скинул горящий драгоценностями жилет, позволил советнику помочь себе одеться и, коротко кивнув Хранителю, лицо которого уже скрывала маска, хлопнул по ладони перчатками.

– Она на самом деле прелестна, Ярид. Поздравляю.

Глава 8. Письма

– Алисия Виру, письмо! – дежурная залетела в класс и хлопнула запечатанным конвертом по парте.

– Второе за неделю? И кто же пишет нашей принцессе? Неужели тот самый старик, что первым ринулся приглашать тебя на танец? Ой, а может он и есть Хранитель? Ведь мы собирались вычислять его по седым волосам? Как-то в праздничной кутерьме я забыла о северном князе, – рука Мажанны потянулась к сургучной печати, что надежно скрывала тайну переписки, но Лиса схватила первая. Прижала конверт к груди, чувствуя, как начинают гореть уши.

– Тише ты, – Ивона пнула Мажу по ноге. – Потом расспросишь. Нечего плодить сплетни. А дуру Риску я предупрежу: еще раз забежит в класс с криками, с ними же и выбежит. Не могла конверт на перемене отдать? Нет, надо всех поставить в известность.

– Так! Прекратили разговоры, – учительница по растениеводству стукнула указкой по парте. Подруги от неожиданности подпрыгнули.

Душа Лисы обмирала. Вожделенный конверт прожигал карман фартука. Она по монограмме на печати догадалась, что пишет тот же, кто дня четыре назад прислал первое письмо.

«Милая леди Виру! Надеюсь, вы позволите так вас называть? Вы, должно быть, меня не запомнили, но я имел честь с вами танцевать на зимнем балу. Хотя правила этикета запрещают приглашать одну и ту же леди более трех раз, признаюсь: я осмелился пойти на нарушение. Достаточно было сменить маску, и никто не заметил допущенной вольности. По этому поступку вы можете судить, сколь велико было желание находиться рядом с вами, прикоснуться к вам, вдыхать аромат ваших духов. Надеюсь, вы простите мою хитрость. Искренне ваш, С.З.»

Сначала Лиса растерялась. Ни полного имени, ни адреса. Кому и куда писать? Конечно, при условии, что ей вздумалось бы ответить.

Алисия дни напролет мысленно перебирала всех, с кем танцевала. Ворона она откинула сразу – даже убери он волосы, Лиса все равно узнала бы его. По особой стати, сдержанной манере, шепоту, заставляющему руки покрыться гусиной кожей, а особенно по сквозящей в движениях властности. Взрослого мужчину легко отличить от пылкого юнца. Все остальные были именно такими.

Мысли о седовласом тревожили и до письма. Был ли Ворон тем самым Хранителем? Если да, то почему не открылся? Почему сразу после танца покинул бал? Разве невесту оставляют на волю судьбы, особенно в день, когда вокруг нее вьются молодые пажи? А ведь кто-то из них оказался особенно настойчивым и изобретательным, в пору бы Хранителю заволноваться.

Лиса вспоминала свои ощущения во время танца с Вороном: охватившую ее оторопь, неловкость, желание, чтобы музыка поскорее закончилась. Сделанный вывод оказался неутешительным – если с ней танцевал Хранитель, и она осталась равнодушной к его прикосновениям, то как ей исполнять роль жены? «Роль» – как же хорошо это слово подходило к ее ситуации. Беда в том, что она плохая актриса. Как надолго ее хватит?

Алисия через ткань фартука потрогала послание от неизвестного З.С.

До письма она пребывала в твердой уверенности, что ни с одним из пажей не танцевала дважды. Как? Как незнакомец исхитрился пригласить ее несколько раз (определенно больше трех), а она не распознала, что уже вальсировала с ним? Да, бал длился до двенадцати часов, и к его концу Лиса не чувствовала ног, но голова же оставалась на месте?

Вот это самое досадливое чувство, что ее провели-обманули, и не позволило сесть за ответное письмо самонадеянному пажу. Как только Лиса исключила Ворона, сделалось понятно, почему таинственный кавалер не написал обратного адреса – все, с кем она танцевала, пришли на бал в парадной форме, и лишь маски разнили воспитанников военного корпуса.

Да, именно непонимание, как она проглядела, что с нею играли, заставило мстительно порвать послание. Вот если бы Лиса собралась отвечать, то она как следует обдумала бы, можно ли вести переписку с посторонним мужчиной, когда у тебя есть жених.

И вот теперь новое письмо. Как с ним быть? Порвать сразу, не читая? Или прочесть, и только потом уничтожить?

Алисия постучалась лбом о стол.

– Ты чего? – испугалась Мажанна. Круг, который она вычерчивала с таким старанием, оказался безнадежно испорчен – грифель проткнул бумагу. Вырывая страницу из тетради, Мажа покосилась на распластавшуюся на столе подругу.

– Читать или не читать? – та вытащила из кармана конверт и положила рядом с собой.

– Я бы и минуты не раздумывала. Чего страшного может быть в письме? – Мажа повертела его в руках, посмотрела на просвет, даже понюхала.

– Ну... мне трудно объяснить... – Алисия повернула голову. Столешница приятно холодила щеку. – Письмо – это неприкрытый соблазн.

– Фи! – Мажанна бесцеремонно сломала печать. Расправила свернутую в несколько раз бумагу и, набрав в грудь воздуха, приготовилась читать вслух.

– Подожди! – Лиса вытянула руку.

– Ну что еще?

– Я должна признаться: я обручена, а потому для меня чтение писем от другого мужчины сродни предательству. Понимаешь?

– Нет. Не понимаю. Во-первых, не понимаю того, что ты от нас с Ивоной скрывает, что у тебя есть жених, а во-вторых, читать письма и бежать на тайное свидание – совершенно разные вещи.

– У кого тайное свидание? – в комнату вошла румяная с мороза Ив. Бросила сумку с учебниками на кровать, принялась разматывать длиннющий шарф.

– В том то и дело, что ни у кого. Ее даже еще не позвали, и неизвестно, позовут ли, а она уже мучается. Ивушка, представляешь, у нашей Лиски есть жених, а она молчала.

– И кто тот несчастный?

– Несчастливая я, а не он, – Лиса занялась внимательным изучением своих коротко стриженных ногтей. – Прислал к нам посыльного, тот заключил договор с моим старшим братом, что после совершеннолетия я выйду замуж, а сам ни разу не появился. Я понятия не имею, как он выглядит, – Алисия грустно хмыкнула. – Если честно, то я даже имени его не знаю.

– Как так? – опешила Мажа.

– А вот так.

– Темнишь, подруга. Хоть что-то, но ты должна знать, – почувствовав, что Лиса не договаривает, Ив сощурила глаза.

– Он очень старый.

– Ха! Теперь понятно, почему он не показывается! – Мажа сдула упавший на лицо локон. – И ты еще сомневаешься, читать или нет письмо от другого мужчины? У него свои тайны, у тебя свои.

– Он продиктовал правила, которым я должна следовать.

– А иначе что? Замуж не возьмет? Ну и не надо! Я видела, сколько вокруг тебя вьется пажей.

– Я не могу отказаться. Здесь слишком многое замешано, – Лиса отвернулась, пряча слезы. Ну зачем? Зачем паж написал ей? Она уже почти смирилась, что от брака с Хранителем не уйти, а теперь такое смятение. Спросить бы у кого совета. У более взрослого, понимающего. Тут же вспомнились слова тети Эдиты о флирте с пылкими юнцами и скоропалительном запрете после подарка Хранителя. – Мне кажется, он знает о каждом моем шаге.

– Так! – Ив побарабанила пальцами по столу. – Если он следит за тобой, то от него не скроется, что ты получаешь письма. Вот пускай сам и решает проблему с внезапно объявившимся соперником. Ты же не даешь повода усомниться в своей честности? Ну, говори! Чего молчишь? Отвечала на чужие письма?

– Нет. Я первое порвала. А это всего лишь второе. Глупости все это. Зря только вас взбаламутила.

– Вот и правильно. Глупости, – Ив потянула листок со сломанной печатью к себе. – Мы письмо сначала с Мажей прочтем. И если там не будет ничего, что бросило бы на невесту скрытного жениха тень, то дадим почитать и ей.

– Я согласна, – Мажанна передвинула стул, чтобы сесть рядом с Ивоной, – а то придумала себе горе. Пусть незнакомый поклонник шлет, пока твой всевидящий «господин» его не утихомирит, а мы будем всего лишь читать. Как книгу. Ведь за поглощение романов о любви, где частенько о-го-го какие глупости пишут, от невесты не отказываются? В чтении нет ничего предосудительного. А потом, если ты не будешь отвечать на письма, тайному воздыхателю и самому надоест писать.

Пока Мажа выдавала длинную тираду, Ивона уже скользила глазами по письму.

– Лис, я думаю, ничего не случится, если ты узнаешь, что он пишет, – произнесла Ив, переводя взгляд на подругу. – Твой С.З. никуда тебя не зовет. Ему ничего от тебя не нужно. Ему всего лишь хочется поделиться мыслями. Прекрасное письмо.

– Ты так думаешь? – с сомнением произнесла Лиса, но Ив уже начала читать вслух.

– «Приятной зимы, милая леди Виру.

Пишу вам и слышу, как за окном с шелестом падает снег. Ветер уже не злится и не швыряет снежинки как попало, превращая их в заледеневшие осколки. Они скользят медленно, и их полет завораживает. Я могу часами смотреть на прекрасный этот танец.

На память приходят воспоминания: с каким удовольствием я наблюдал за рыжеволосой девушкой – любительницей лизать сосульки. Ее непокорные пряди выбивались из-под меховой шапки, веснушки, контрастные на бледной коже, делали и без того запоминающееся лицо особенным. Зеленые глаза смеялись. Я говорил ей: «Простынешь!», а она в ответ еще больше дразнилась.

Она все-таки заболела, и вместо звонкого, как колокольчик, голоса я слышал сиплый бас. Я отпаивал ее чаем с малиной и медом. Она старательно дула на кипяток, и над верхней губой собирались бисеринки испарины.

А снег все кружит и кружит. Берегите себя. Всегда ваш З.С.»

– И что это было? – Мажанна не поверила, вырвала из рук Ивоны письмо. – Зачем писать о какой-то рыжеволосой девице?

– Он иносказательно предупреждает, чтобы Лиса поберегла себя в трескучие морозы. Одно дело, когда тебя отпаивает чаем молодой паж, совсем другое, когда ты лежишь в лазарете, кашляешь во всю мощь, а рядом посапывает уставшая сестра милосердия. Я в зиму перед поступлением в пансион так болела. И как никогда чувствовала себя одинокой.

– Ив, а почему ты находилась в лазарете? Не проще было бы вызвать врача на дом? Заботливые мамыны руки...

– Может быть, и проще. Но у моей мачехи руки вовсе не заботливые. Мой кашель ее раздражал.

– А отец? – Мажанна густо покраснела. Лиса тоже чувствовала себя неловко. Два года живут в одной комнате, и только сейчас узнали, что у Ив неродная мать. Скрытная, она никогда не рассказывала о своей семье.

– Отец все время на службе. Советнику короля нечасто выпадает побывать дома, – Ивона смотрела в окно, где на подоконнике склевывала хлебные крошки серенькая пичужка. – А знаете, что я попросила бы у Хранителя?

– Что? – выдохнула Мажа.

– Чтобы мамы никогда не болели и не умирали. Нельзя оставлять маленьких девочек одних, – Ив резко поднялась и вышла из комнаты.

– Я пойду за ней!

Мажанна схватила Лису за руку.

– Не надо. Если бы она хотела, чтобы мы ее утешили, не убежала бы. Ивона гордая и все держит в себе. Ты хоть раз видела, чтобы она плакала? Даже тогда, когда упала и разбила колено, лишь зло подула на него. Наверное, это из-за мачехи. Чужие люди часто делают нас еще более несчастными.

– Родные тоже преуспевают, – вздохнула Лиса.

Девушки помолчали. Алисия подтянула к себе брошенное письмо, пробежалась глазами по ровным строчкам. Красивый уверенный почерк.

– Знаешь, Ив читала письмо, а я в этой рыжеволосой узнавала себя. Я ведь тоже любила лизать сосульки. Болела, конечно. Голос становился хриплым, точно у столетней старухи. Уршула смачивала полотенце в воде и клала мне на лоб. Холодные капли так противно стекали по шее за ворот.

Летели дни. Кончилась зима, к исходу приближалась весна, а «тайный воздыхатель», как его прозвали девушки, все слал и слал свои письма.

Послания приходили регулярно и не требовали ответа. З.С рассказывал о людях, которых знал или видел лишь однажды, но они оставили воспоминания о себе. И странное дело, Лиса уже нуждалась в этих коротких зарисовках. Она лишь иногда открывалась подругам, поскольку ее откровения выглядели бы смешно и нелепо: в каждом рассказываемом случае Алисия узнавала себя: свои привычки, свои страхи, свои потаенные желания.

«Так случилось, что я много путешествовал. С закрытыми глазами могу рассказать, куда ведет кривая улочка Вершоны, если от въездных ворот столицы Булатрии свернуть налево. В кондитерскую тетушки Мом. Аромат ее сдобы густо витает в воздухе, и если у вас не заложен нос, то и вы безошибочно найдете маленькую пекарню. Особенно здесь хороши кренделя, посыпанные маком. Он хрустит на зубах, и только остается в блаженстве закатить глаза. Ничего вкуснее я не пробовал».

Лиса провела языком по зубам, будто надеялась нащупать маковое зернышко. Она точно когда-то ела такой крендель! Она помнит его вкус. Особенно ту слегка подгоревшую часть, где вытекший сахар смешался с маком и застыл карамельной корочкой.

– Это просто наваждение, ничего более! – Ив упорно разубеждала Лису. – Он так хорошо описывает, что и я чувствую сладость во рту! – подруга причмокнула, сглатывая слюну.

– А вот это ты как объяснишь? – Алисия вытащила из пачки, перевязанной подаренной младшим братом красной лентой, письмо. Все послания из дома она хранила в маминой шкапулке, а эти выделяла особо. Красный – цвет любви, а короткие письма-зарисовки пробуждали в ней такую щемящую нежность, что она, даже не видя носителя инициалов З.С., уже любила его. И было совсем неважно, как он выглядит: высокий или нет, приятной внешности или невзрачной. В письмах Лиса видела душу, прекрасную душу, и этого ей оказалось достаточно.

«В тот год полыхали пожары в Нирейби. Жаркое солнце искало лишь причину, чтобы воспламенить все вокруг. Кто знал, что оставленный у открытого окна граненый кувшин с водой делается лупой и подожжет занавески? Я не герой. Не надо обо мне так думать. И рассказываю свою историю вовсе не из желания похвастаться, какой я удалец. Дело случая, что я оказался рядом и услышал крик: девочка была закрыта в своей комнате, а дом полыхал. Чудо, что я успел. До сих пор вижу сны, в которых я замешкался, опоздал, задержался на постоялом дворе, где хотел искупаться, прежде чем отправиться на поиски нужной мне улицы, и девочка погибла».

- И что тебя в этом письме смущает?
- Я чувствую, как было страшно той девочке. Я... я не могу объяснить, но я знаю, как пахнет ее спаситель.
- И чем он пахнет? – Ивона недоверчиво склонила голову к плечу.
- Гарью – у него опалились волосы. И совсем немножко потом.
- У тебя богатое воображение. Все, что ты чувствуешь З.С. описал: он зашел в горящий дом, выбил плечом дверь...
- Он не выбивал дверь, пролез через окно – оно было высоко, почти под потолком. Девочка не достала бы.
- Давай не будем спорить? У тебя явно разыгралась фантазия. Лучше всего спросить его самого, как он вынес из горящего дома ребенка.
- Написать ответное письмо? Но найдут ли в пажеском корпусе ученика с инициалами З.С.? Не попадет ли мой ответ в чужие руки? Нет, я не буду рисковать.
- Никуда писать не надо. Впереди весенний бал, а он проходит без масок. Вот там и вычислишь своего тайного воздыхателя. А мы с Мажанной тебе поможем.
- А как мы его найдем?
- По его же письмам. З.С. многое о себе рассказал. Достаточно как бы случайно спросить, бывал ли твой партнер по танцам в Нирейби.
- Я сильно волнуюсь. У меня от переживаний даже болит живот. А вдруг я навоображала себе невесть что, а он...
- Он окажется отталкивающим типом? Что же, и такое случается. Мой отец души не чает в мачехе, считает ее лучшей на свете женщиной, доброй, отзывчивой, а я с самого начала видела в ней змею. Сладкоречивую, но готовую придушить любого, кто встанет на ее пути.
- Разочарование бывает болезненным, – Мажа, так и не дождавшаяся весточки от своего «принца», говорила со знанием дела. – Постарайся, чтобы оно не нарисовалось у тебя на лице. Все-таки этот З.С. отличный рассказчик.

Глава 9. Принц и роза

– Остался месяц до весеннего бала! – учительница танцев леди Фло ходила вдоль выстроившихся в ряд воспитанниц королевского пансиона. Легкие прозрачные юбки, собранные в тугие пучки волосы, гордо задранные подбородки, прямые спины – все-таки она вышколила своих учениц, и теперь они не напоминали тех кривобоких утят, каковыми большинство из них явилось на первый урок. – Уже известно, что бал посетит Его Величество с сыновьями, а потому мы приняли решение сделать несколько показательных номеров. Традиционно бал открывает танец Цветов. Сейчас я назову имена тех, кто исполнит роль Лилии, Колокольчика, Ромашки, Жасмина и Розы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.